

Ольга Владимировна Батлер

Моя маленькая Британия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4559239

Моя маленькая Британия: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2011

ISBN 978-5-9775-0703-5

Аннотация

В британских очерках Ольги Батлер, впервые опубликованных в «Независимой газете», национального аромата не меньше, чем в традиционном английском пудинге и воскресном обеде с жарким. Написанные прекрасным русским языком и присыпанные английским юмором истории о современной, но не забывающей своих традиций Британии никого не оставят равнодушными. Но книга не является стопроцентно легким чтением. Пасторали и смешные сценки соседствуют со статьями о британских политиках и социальных проблемах: как английские детки «строят» учителей, поколение безработных устроило бэби-бум, а политкорректность меняет английский язык.

Содержание

I. Стилъ жизни	4
Маршрутами островитян	4
АА и V&V в азбуке путешественника	4
Скелет в пивнушке	7
Страна художника Констебла	9
Путешествие по Сассексу в вагоне третьего класса	11
Бабушка всех подземок	13
Что для русского болезнь, у англичанина – хобби	18
Бес счета	18
Какого цвета Тинки-Винки	19
Обмен женами	21
Об искусстве готовить йоркширский пудинг, и не только его	24
Жаба в дыре	24
Большой воскресный обед	26
ГМО в хлебе насущном	28
Супермаркет на букву «С»	30
Старомодная бакалея	32
«От синдрома миссис Мортимер» – к полной	34
политкорректности	
Ужасный, ужасный мир миссис Мортимер	34
Под небом голубым был город золотой	38
Полная ПОПОлиткорректность	41
Вавилондон	43
Перегруженный корабль	44
Великая феминистская революция и ее последствия	47
Королевы Уля	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ольга Батлер

Моя маленькая Британия

I. Стилъ жизни

Маршрутами островитян

АА и В&В в азбуке путешественника Маленькие гостиницы Британии – штучный товар в эпоху глобализации

По Англии хорошо ездить на машине. Это шанс увидеть другую страну, нету, что в Лондоне. В какую сторону королевства ни отправишься, обязательно в конце концов попадешь к морю. Романтика путешествия заключается в его незапланированности. Но ты можешь ездить по острову в полной уверенности, что не останешься голодным и без крыши над головой.

Многочисленные Inn, а так же «бэд энд брекфаст», В&В, готовы принять путешественника в любой деревне и городке. Конечно, существует и мир пятизвездочных гостиниц, где номера бронируются заранее – с дорогими египетскими простынями, подарочными банными халатами «для него» и «для нее», шампанским и цветами на столике. Есть также залитые неоновым светом стильные отели в самом центре городов, там, где шум толпы не стихает даже по ночам.

Но старые добрые гостинички – это штучный товар. Они крепко стоят в веках и в эпоху глобализации сохраняют свой характер. Аренда комнаты на уик-энд в сельской В&В в нескольких минутах ходьбы от деревенского паба считается у англичан проверенным способом поднять настроение и расслабиться после рабочей недели.

Даже принц Чарльз испытывает теплые чувства к этим народным отелям. Он останавливался у кумбрийского фермера, который занялся гостиничным делом ради поправки финансов. Чарльз и его охрана занимали все три номера маленького сельского коттеджа Yew Tree Farm.

Никто в крошечной деревне Ростфэйв не догадывался, кем был мужчина в кепке и клетчатой куртке, в дождливый день ходивший на прогулку по местным холмам – личный секретарь принца дала информацию для прессы, когда Чарльз уже выехал из гостиницы.

А владельцы Yew Tree Farm и сегодня гарантируют «настоящий огонь в камине и душевные английские завтраки» постояльцу любых кровей...

Во «Льве и кастрюле» клиента, как в сказке,
Окружат внимание, забота и почет.
Пуховые перины, и мягкие пружины,
И нежность, и ласка, когда оплачен счет, —
Ни единой жалобы, сервис отличный!
У нас для иностранцев комфорт и уют,
А в этой забегаловке, «Луне и яичнице»,
Только голодранцы местные живут, —

во время первых поездок по Англии песенка из «Табачного капитана» прокручивалась в моей голове всякий раз, когда мы проезжали мимо очередной деревенской Inn. Я тогда удостоверилась, что подобные места и вывески существуют не только в киношных королевствах.

И я до сих пор не пропускаю ни одного названия. Они придуманы по непонятным мне, наверняка очень старым, правилам: все эти «головы» – сарацина, или принца, или русалки, и «руки» – каменщика, бочара или короля, а также «Джорджи и драконы», «Белые лошади» и «Красные львы». Эти названия выложены золотыми буквами по белому или зеленому фасаду, среди подвешенных корзин, цветущих в любое время года.

В Ноттингеме есть паб с постоянным двором «Путешествие в Иерусалим», претендующий на звание одного из старейших в мире. Владельцы говорят, что в XII веке здесь отдыхали на пути в Святую Землю крестоносцы. А «Дерущиеся петухи» в Сант Албансе занесены в книгу рекордов Гиннеса. Фундамент здания был заложен в 793 году и там, говорят, останавливался Оливер Кромвель. Вообще-то самыми старыми себя считают около двадцати заведений. И, глядя на их низкие потолки и вросшие в землю стены, веришь любым легендам.

Сколько лет гостинице в рыбацком городке Лу в Корнволле? Телефон и кондиционер в этих старых стенах кажутся чужеродными предметами. Помню, я захотела распахнуть окно и поразилась особенному устройству щеколды и ручки. Такие изящные вещи перестали изготавливать еще в начале прошлого века, с появлением конвейера... А за раскрытым окном – древняя глухая стена соседнего дома и зеленая тихая бездна, доступная только кошкам, заросшая вьюнами так, что невидна ни земли, ни окон нижнего этажа. И сто, и двести лет назад другой путешественник так же мог стоять у этого окна, видеть ту же картину.

Мы оказались в Лу по пути к самой крайней юго-западной точке Британии, Концу Земли – Лэндз Энд. Этот острый кусок суши врежется в Атлантику недалеко от Пензанса. За океаном находится Америка.

Лэндз Энд является финишем знаменитого маршрута из Джон ОГроатс, символической северной точки Британских островов, расположенной в Шотландии. Антикварные модели машин, велосипедов и мотоциклов, на которых британцы-энтузиасты пересекали свой остров десятилетия назад, выставлены в местном музее. Наверняка их маршрут, как и наш, был размечен остановками в маленьких и уютных V&V.

Путешествовать с комфортом очень помогает Ассоциация Автомобилистов, сокращенно АА. Созданная сто с лишним лет назад засидевшейся в ресторане лондонского Трокадеро группой друзей для обмена опытом, как избежать полицейских ловушек при быстрой езде, АА за годы превратилась в ангела-хранителя автомобилистов. Сегодня, помимо технической помощи, подробных карт и составления любых маршрутов, она заботливо предлагает прошедшие инспекцию гостиницы, разрешая тем использовать символ АА как знак качества. Каждый год подводятся итоги конкурса на звание лучшего владельца V&V. Судьи подчеркивают не только усердный труд победителей, но и чувство юмора, желание сделать свою гостиницу приятной и запоминающейся.

«Постели и завтраки» обычно состоят из восьми-десяти комнат. Чем ближе к деревенской местности, тем ярче занавески и обивка мебели. Цветы на английском текстиле навсегда связаны с сельской романтикой и жизнью в коттедже. Тыходишь сюда и с непривычки теряешься. Запахи семейного жилья и реликвии чужой жизни плотно окружают тебя. Кто ты здесь – гость семьи, любопытный соглядатай? Ведь каждая гостиничка сразу начинает рассказывать о своих хозяевах, которые и живут здесь, и готовят знаменитые английские завтраки.

Моей первой V&V стала гостиница Джона. Он был похож на отставного столичного чиновника. Прочитав запись в книге регистрации, заметил с улыбкой: «Хорошее шведское

имя». Я сказала, что имя русское. У Джона в лице промелькнула кислинка, сменившаяся, впрочем, улыбкой. Потом я обнаружила, что соотечественники Джона, не отягощенные университетскими дипломами и, быть может, поэтому более искренние, до сих пор полагают, что в Москве стоят очереди за хлебом, а джинсы – дефицитный товар.

Люди, ежедневно пускающие в свой дом незнакомцев, должны быть хорошими психологами, но момент приема гостей – это еще и демонстрация жизненных принципов и предубеждений. Помню, как возмущались представители британских сексуальных меньшинств, когда владелец английской V&V в дождливую ночь не захотел предоставить кров двум гомосексуалистам.

Зато, в отличие от прежних времен, сегодня редко кто придирается к многочисленным неженатым парочкам, подписывающимся «мистер и миссис Смит». И у собаки, путешествующей с хозяином, есть все возможности насладиться гостеприимством V&V. Дружелюбное «можно с домашними животными» встречается в рекламках часто.

Мы отправились в очередную поездку, в Шотландию, по беззаботной привычке не подумав о бронировании комнаты. Но на эдинбургских улицах в это время шумел и паясничал ежегодный театральный фестиваль, и ночлег в радиусе пятидесяти километров найти оказалось сложно. В бюро туристической информации нам вручили буклет с адресами близлежащих гостиниц. Я раскрыла его наугад и ткнула пальцем в самую красивую картинку. Нам повезло. «Вам даже очень повезло! – ответила на телефонный звонок хозяйка гостиницы из приморского Северного Бервика. – Пять минут назад был аннулирован один заказ».

Так мы попали в Glebe House, прекрасную шотландскую усадьбу XVIII века, где хозяйка сдаёт несколько комнат. Привычная к незнакомцам хозяйская собачка высокогорной породы уэсти вежливо подставила свой бок для поглаживания. Бисквиты домашней выпечки растаяли во рту, когда мы в библиотеке пили чай из тонких фарфоровых чашек. В нашей комнате были кровать с пологом, старинные игрушки и белоснежные ковры. Я выдвинула ящики черного древнего комода и увидела в них хозяйские вещи. Гостиницей назвать это место язык уже не поворачивался.

Владелица Glebe House, Гвен, по всему – выпускница элитного учебного заведения, с идеальным выговором, какой не встретишь в простой среде, заставила меня задуматься о судьбе владельцев современных усадеб. Чтобы поддерживать огромный дом, им приходится пускать постояльцев и самим же их обслуживать. Впрочем, не знаю, что это для Гвен – вынужденный бизнес или увлечение, в которое она вложила гордость, любовь к чистоте и красивым вещам.

Утром мы сидели в обеденном зале за большим столом, сервированном вроде бы и не для праздника, но по принципу, что любой повод хорош, рядом стремя другими гостями. Атмосфера и обстановка напоминали романы Агаты Кристи про нарядные и благополучные дома, где происходят преступления. Воображение разыгралось даже у постояльцев-англичан. «Никого ночью не убили?» – скрипучим голосом спросила старая леди, листавшая «Дэйли Миррор». Позже я обнаружила, что эта V&V считается одной из лучших в Шотландии.

Если в доме Гвен можно было снимать детективы в духе Кристи, то другая шотландская усадьба напомнила еще одну картинку из телевизора, замок семейства Адамсов. Помещичий дом в глухом лесу – большего размера, чем у Гвен, но запущенный – возник вместе с лужайкой, когда мы уже собирались сворачивать обратно с заросшей дороги.

Мы долго ждали в зале с огромным закопченным камином, шести метровыми потолками, статуями и бюстами. Рядом с дорожными сумками уселась немецкая овчарка, не спускавшая с нас умных глаз. С поблекших фотографий улыбались нарядные эдвардианские дамы. На столе рядом с продавленным большим креслом лежала курительная трубка, но

хозяев не было слышно. Когда они наконец появились – огненно-рыжая Рия и ее муж Рэй – мы вздохнули: в доме живут не привидения, а люди...

Хозяева удивляют гостей, а гости удивляют хозяев. Подводя итоги очередного конкурса на лучшую «постель и завтрак», АА выслушала множество историй, рассказанных конкурсантами. В них фигурировали голые постояльцы, забытые домашние животные, и даже покойник, которого родственники оставили в номере на целый день. Но владелец одной шотландской гостиницы сказал: «Мы закрываем глаза на многие странности». К примеру, он лично проявил выдержку, отвечая на назойливые звонки бывшего гостя, требовавшего найти потерянную им вставную челюсть.

Конечно, британская любовь к этим отелям не является абсолютной. Можно сомневаться в недорогом комфорте «постелей и завтраков» из-за снобизма или из-за неудачного опыта. «Дешевле 200 фунтов в Лондоне и 100 фунтов в глубинке вы ничего приличного не найдете, – говорят скептики. – Иначе вам обеспечены сон в насквозь прокуренной комнате, синтетическое постельное белье и нервный хозяин, который объявляет комендантский час после десяти вечера». Однако ночевка в том же Yew Tree Farm коттедже стоит всего 25 фунтов, и, по словам принца Чарльза, он наслаждался «необыкновенным уютом».

Столько в мире этих маленьких гостиниц истинного национального аромата – не меньше, чем в традиционном пудинге и воскресном английском обеде с жарким. Среди них не найдется двух одинаковых, поэтому я со свежим любопытством переступлю порог очередной В&В. В путешествии по Британии стоит отклониться от нахоженных туристических маршрутов, чтобы посетить местный паб и остановиться в сельском отеле. Это возможность вдохнуть тот воздух, которым дышат коренные англичане.

Скелет в пивнушке Английский фри-хауз рассказывает свои тысячелетние истории

«Для парковки лошадей и велосипедов» – написано мелом у ворот. «За пенни захмелеешь, за два напьемся в стельку. Чистое сено – бесплатная постелька» – это уже перед входом в заведение. Цены за последние века изменились, и на сене никто больше не спит, но эль и сидр по-прежнему имеются в продаже.

«Королевский штандарт» в Букингемшире – старейший фри-хауз страны (фри-хауз отличается от обычного паба тем, что не связывает себя эксклюзивным договором с пивоварней). И знакомство с его историей позволяет одновременно пройти краткий курс истории Англии.

Пиво в деревне Форти Грин варили и пили с древнейших времен, но доподлинный рассказ о пабе начинается со времен англо-саксонского королевства Уэссекс. Одна местная жительница варила лучший в округе эль. Приготовив очередную порцию, она привязывала к высокому шесту зеленую ветку. Для завсегдатаев – рабочих соседнего мелового карьера, а также перевозчиков кирпича и плитки – это был знак: «Добро пожаловать, пивнушка открыта!»

Заведение быстро стало популярным: здесь можно было посплетничать, обменяться товаром, устроить политический диспут и даже подраться. Все как в современном английском пабе. То, что деревня находилась вдали от больших дорог, в те беспокойные времена казалось дополнительным преимуществом.

И его завсегдатаи пили эль, как воду. История умалчивает о состоянии их печенок и количестве прожитых ими лет, но в те времена можно было скорее отправиться на тот свет от глотка простой воды. Эль считался более безопасным напитком.

В 1066 году Уильям Завоеватель подарил близлежащие земли одному норманну – зато, что тот помог ему кораблями. Именно тогда паб получил свое первое официальное имя – Se Scip, «корабль».

Потом его частыми посетителями сделались погонщики скота. Их маршрут в Лондон пролегал по «глубокой дороге», края которой были укреплены высокими насыпями, чтобы живность не разбегалась. Сегодня эта древняя аллея похожа на тоннель: сомкнутые макушки разросшихся деревьев совсем закрывают небо.

В Средние века, времена войн и переворотов, удаленное расположение паба было на руку и различным заговорщикам, и просто независимому люду. В 1485 году мужчины с вымазанными черным лицами лихо отплясывали здесь, празднуя восшествие на престол Генриха Тюдора и конец войны Алой и Белой роз.

В XVII веке в заведении были устроены комнаты для отдыха, где останавливался – ни много ни мало – сам Карл!.. Хотя вернее было бы сказать, что он не останавливался здесь, а прятался. Король переживал тогда не лучшие времена – боролся с «круглоголовыми» сторонниками парламента.

Паб стал местом, где Карл разрабатывал свою стратегию и где чуть позже сложили головы преданные ему роялисты. Когда контроль над местностью перешел к «круглоголовым», они жестоко расправились с королевскими солдатами, водрузив их головы на пики.

Среди убитых был двенадцати летний королевский барабанщик. Призрак мальчика до сих пор бродит по округе, и неподалеку от автомобильной стоянки подвыпившие посетители паба не раз слышали тревожную барабанную дробь.

Через несколько лет, когда монархия была реставрирована, пришедший к власти Карл II отблагодарил заведение, титуловав его «Королевским штандартом». Одновременно пабу был возвращен старинный уэссекский символ – дракон. Заведение, в свою очередь, негласно отплатило королю, предоставляя ему комнаты для встреч с любовницами...

Как будто ничего не изменилось с тех времен – в залах все те же сучковатые дубовые балки и старые полы. Они помнят вереницу гостей, для нас давным-давно канувших в небытие. Но сегодняшний «Королевский штандарт» выглядит гораздо целомудреннее. Ушли в прошлое азартные игры, пирушки и разврат в прокуренных номерах.

Теперь его полная легенд, любовно сохраненная старина привлекает многочисленных туристов. И не только она. Кроме преданий, у «Королевского штандарта» имеются другие козыри: традиционные сорта эля, вкусная «бабушкина» еда в историческом меню, а также прогулки по живописным окрестностям.

Мы выбрали в путеводителе маршрут средней сложности и нагуляли аппетит, побродив по холмам, лесу и окраинам деревни. «Попробуйте треску с чипсами, – предложил нам официант, когда мы вернулись в «Королевский штандарт». – Джонни Депп и Тим Бартон ее очень хвалили, когда заезжали сюда после съемок „Чарли и шоколадной фабрики“».

Ноя предпочла другое традиционное английское блюдо – ароматный пудинг домашнего приготовления с мясом и почками. Съев его, заказала на десерт другой пудинг (фруктовый с хлебными крошками, утопающий в сладком креме из яиц и молока), потом довольно откинулась на стуле и... увидела прямо над собой самый что ни на есть доподлинный человеческий скелет.

Как он попал сюда? Никто не дал мне вразумительного ответа. Бармен и официанты отделались загадочными шуточками типа «клиент не смог заплатить по счету» или «это самый ранний посетитель ждет заказа». А потом они предложили мне записать свою собственную историю в «Книге привидений», которую ведут посетители. Но мне нечего было рассказать – старинная пивнушка пока не захотела нашептывать мне на ухо одну из своих историй... Знаю, сама виновата. Надо было пить неводу, а эль, сваренный по древнему рецепту.

Зато другие посетители не нарушили традицию. Чем темнее становилось за маленькими окнами, тем громче шумели и хохотали в зале. Официанты только успевали забирать пустые кружки и подносить полные.

Уменьшилось ли количество потребляемых здесь спиртных напитков по сравнению со старыми временами? – Не думаю. Слова Натаниэла Ли, известного драматурга эпохи Реставрации, допившегося здесь до белой горячки, звучат актуально и сегодня: «Они сказали, я свихнулся. А я сказал, они свихнулись. Проклятье, они меня переспорили!» Вдень, когда драматурга выпустили из Бедлама, он снова напился и был задавлен каретой.

Страна художника Констебла

Четверо в лодке среди пасторальных пейзажей Англии

– В субботу будем плавать на лодке с Линдой и Колином в стране художника Констебла, – порадовал меня муж.

Под парусом мы уже ходили, и после этого плавания я с большим, чем бывало прежде, чувством перечитала главу о морской болезни из «Троих в лодке, не считая собаки».

Но в этот раз речь шла об обычной весельной прогулке по речке Стер в Саффолке, в местности, которая со всеми пасторалями и старинными деревенскими коттеджами является музеем под открытым небом. Знаменитый английский художник Джон Констебл родился там в семье мельника в XVIII веке и всю жизнь рисовал пейзажи и переменчивые облака.

Линда добровольно взялась отвечать за повышение моего культурного уровня, и мы уже посетили немало интересных мест Англии, включая Кембридж, замок Рочестер, а также самый крупный супермаркет в близлежащем Апминстере. В супермаркете Линда объяснила, где тут кухонные комбайны, а где посудомоечные машины.

Почему-то, хотя она вовсе не простушка, ее представления о русских и России застыли в замороженном виде со времен холодной войны.

На новогодних танцах в клубе она удивилась, что я под ритмы рок-н-ролла отплясывала вовсе не «казачок». «Линда, ты отстала от жизни», – устыдился своей жены Колин, но, видимо, в ее голове что-то замкнуло раз и навсегда, и он а доброжелательно продолжает приучать меня, дочь варварского народа, к цивилизации.

«А в Москве есть вот это?» – любимый вопрос Линды. Да, есть: рестораны, магазины, губная помада, детское питание в баночках, автобусные остановки – подтверждаю сначала я, потом мой муж. Все-таки он лицо менее заинтересованное, поэтому ему доверия больше.

Но он начинает тихо закипать и вынашивает планы страшной мести – пригласить Линду в Москву, встретить ее в «Шереметьево» и вместо Москвы привезти в один населенный пункт недалеко от нашей дачи. Место это унылое, позабытое Богом и районной администрацией, с вонючим рынком на центральной площади. «А где же Красная площадь?» – по сценарию должна спросить Линда. «А вот она», – ответим мы. «А где же Кремль?» – «А нету никакого Кремля, это только картинка из телевизора, пропаганда»...

Наступила суббота, и мы наконец отправились в плавание. Проскользнули под узким старинным мостом, ловко увернулись от встречных лодок, заплыли в тупичок с темной тиной: самое время подкрепиться, ведь уже десять минут гребем. Почему-то во время путешествий – в самолете ли, на поезде или просто на машине – люди едят больше и чаще, и вопрос пропитания приобретает порой даже болезненные масштабы.

Мы съели сырный рулет, мои пирожки, все сэндвичи, опустошили контейнеры с Линдиным салатом и даже не поделились с утками и лебедями, которые в изумлении сгрудились вокруг лодки.

«Там, за поворотом речки, будет кафе – прекрасные кофе и мороженое», – со знанием дела сказала Линда. И вот мы уже гребем за десертом, мимо сонных берегов с рыжими упи-

таннами коровами, задумчиво пьющими воду из речки, мимо древних дубов, под которыми дремлют сухопутные любители страны Джона К он стебла, прямо к прибрежному кафе. За столиком я хочу сказать Линде, что такого в 70 милях от Москвы я точно не встречала– бес-крайней пасторали, непуганых лебедят, норвящих проплыть прямо под веслом.

Но Линда меня опережает: «Смотри, смотри на этого беби», – и показывает на ребенка в сумке-кенгуру у мужчины на животе. «А есть ли в России беби, Ольга?» – спрашивает мой муж. Линда надувается, но обратная гребля опять превращает нас в дружную команду, и Линда всерьез обдумывает, где мы будем ужинать. Она знает замечательный деревенский трактир, но сначала мы заедем пропустить по стаканчику в один паб, где, говорят, любил выпить сам Черчилль.

Для меня здешние пабы – целый мир, который я помню на ощупь: добротное старое дерево стоек и столов, часто с червоточинками, иногда липкое от разлитого пива (не ресторан же), и знаю его душноватый запах – пабы обычно находятся в старых зданиях, и потолки там низкие. А еще в этом мире пламя горит в большом камине, в соседнем зале проходит какая-то доморощенная викторина, и мужские голоса у стойки гудят, прерываемые совершенно невероятным женским хохотом.

В пабы я влюбилась сразу же и потому с любопытством подглядываю затем, как англичане проводят там время. Если приходит компания, то мужчины по очереди платят за общую выпивку при каждом новом подходе к стойке. А еще есть любители менять за один вечер несколько заведений.

– Мое любимое местечко в холодную погоду, – Линда усаживается в кресло паба, вспугнув призрак Уинстона Черчилля, и мы молча потягиваем вино, перед тем как двинуться в наше восточное предместье Лондона.

Всего-то час езды на машине из Саффолка, но тыходишь в трактир и понимаешь, что люди здесь говорят на другом языке. Хоть это и английская речь, без тренировки ее не поймешь. Это кокни.

Первый шок я испытала по приезде, когда поняла, что выученный в России классический английский здесь не помощник. Окончания проглочены, слова изменены. «Ты в порядке, дорогуша?» – это в Эссексе вместо «здравствуйте». Ты лихорадочно вспоминаешь что-то из лингафонного курса, чтобы не ошибиться в произношении. А в ответ получаешь: «Чаво?» В общем, это край Элиз Дулитл еще до того момента, как она встретила своего профессора. А мужчины здешние – сорвиголовы, таких в пираты набирали.

Лондонские кокни в XIX веке изобрели такой рифмованный сленг, что их даже западные лондонцы не понимали. «Свинные пироги» – это значит: собеседник ни единому слову твоему не верит. Старый друг – это «фарфоровая тарелка».

Во время ужина спрашиваю Линду, как часто они с Колином обедают вне дома. Раз три-четыре в неделю, говорит она. Я знаю, куда они ходят, – в эти маленькие китайские, индийские, тайландские, итальянские ресторанчики и, конечно, английские трактиры. Представляю русский ресторан в здешних краях – с самоваром, мясными пирогами и блинами. В центральном Лондоне этим никого не удивишь, но в нашем пригороде некоторые люди – те же Линда с Колином – только благодаря мне впервые попробовали гречневую кашу и борщ.

– Ну, как тебе моя страна? – спрашивает Линда.

– Прекрасная, – отвечаю правду. Всю Англию можно назвать страной Констебла. И как только им удастся при густой заселенности острова сохранять такие волшебные пейзажи? Еще думаю про себя, что моя страна не хуже. Мы просто разные. «Не бывает двух дней, даже двух часов похожих, и не найдется на дереве двух одинаковых листьев – со дня сотворения мира...» Это Констебл сказал.

Пожалуй, не буду мучить Линду. Покажу ей все-таки и Кремль, и Рождественский бульвар, и Остоженку, и в Сергиев Посад свожу, и в Боровский монастырь, и в магазины разные – пусть тоже просвещается.

Путешествие по Сассексу в вагоне третьего класса О нежных чувствах британцев к паровозам

Значит, так. На простыню с резинкой кладется обычная простыня, на обычную простыню – два вязаных прокрывала. Все это аккуратно загибается на уровне подушек и подтыкается под верхний матрас – чтобы ни единой складочки ни сверху, ни снизу. Потом укладываются высокие спальные подушки – по две. Сооружение закрывается тяжелым покрывалом, на него водружаются еще две парадные плоские подушечки с оборками из того же материала в цветочек, а между ними – нарядная тряпчатая кукла и меховой бегемотик. Уф, нижний волан разглаживается... Готово. Заправлено по правилам английского коттеджа.

Мы ночевали в хозяйской спальне, и я замучилась приводить кровать в прежний вид. Дом в деревне Линдфилд, куда приятели Линда и Колин пригласили нас, принадлежит сестре Линды. Сестра с мужем уехали на конные соревнования, и Линда воспользовалась возможностью познакомить меня с очередным райским уголком Англии.

Линдфилд не зря называют лучшей деревней Сассекса: причудливо выстрижены кусты в палисадниках, прессованная солома плавно облегает крыши средневековых домов, лавка мясника украшена, как арт-салон, и деревенские крикетисты, в белоснежной форме играющие на зеленом поле, похожи издали на резвых ангелов.

Сады здесь огромны, соседей не слышно. Хотя, вполне может быть, наши соседи тихи по другой причине. Общительная Линда вчера поздоровалась с ними, и на подкол: «Вы совсем не похожи на шумных девушек Эссекса», – играючи вынула из-за пазухи гранату:

– Мы из Москвы.

Ее собеседница потеряла дар речи. Теперь, небось, вся деревня затаилась – ожидают нашествие русской мафии и скупку лучших коттеджей.

Наступивший день обещает приключение. Мы едем кататься на столетнем отреставрированном поезде по железной дороге «Синий колокольчик». В Британии таких ретро-дорог не меньше сотни, но у «Синего колокольчика» – одна из богатейших коллекций паровозов и вагонов. Их парк восстановлен и поддерживается руками энтузиастов.

Англичане гордятся своим железнодорожным прошлым. Ведь решающие изобретения в железнодорожном деле принадлежат не американцам, не французам и даже не братьям Черепановым, а замечательным английским инженерам Ричарду Тревитику и Джорджу Стефенсону. Невзрачная «Ракета» Стефенсона, которую сегодня можно увидеть в лондонском Музее науки, – прадедушка всех паровых локомотивов мира.

Первая в мире железная дорога общего пользования с паровой тягой протяженностью всего 40 километров была построена в Англии в 1825 году все тем же Стефенсоном. Ее рождение можно назвать триумфом не только британской инженерной мысли, но и индустриальной революции, капитализма, империи. С ее помощью вечная борьба за богатство и покорение территорий продолжилась с невиданным прежде размахом.

В конце XIX века, когда общая длина проложенных в мире рельсов стала равна почти миллиону километров, ритм жизни изменился навсегда. Прежде время ощущали приблизительно, а теперь минуты вдруг стали важными: упустишь даже одну – опоздаешь на поезд.

И все вдруг показалось доступным. Свежие продукты из далеких мест. Быстрая почта. Путешествия. Пирамиды Египта, акведуки Древнего Рима, Великая Китайская стена...

До 1870 года невозможно было найти в мире железную дорогу, построенную без английской технологии или оборудования. Не стала исключением и первая российская маги-

страль – из Санкт-Петербурга до Царского Села, паровозы для которой закупались в Англии и Бельгии. Неудивительно, что накануне Первой мировой войны британские инвесторы владели 113 железнодорожными компаниями в 29 странах.

Изобретенные в те времена технологии до сих пор приходят на помощь людям. Когда недавно в стране случилась «жестокая» зима (минус два по Цельсию, и немного снега, но для англичан, особенно в южных графствах, где растут пальмы, – это вызов), она парализовала транспортную систему. Аэропорты были закрыты, машины брошены на обочинах.

На железной дороге тоже начались сбои: нежная электроника, которой напичканы современные поезда, не выдерживает морозов. Пассажиры то застревали в Евротоннеле, то не могли дождаться обычных пригородных электричек.

И вот, когда было прервано железнодорожное сообщение между Лондоном и Дувром, людей подобрал паровой локомотив «Торнадо», построенный энтузиастами в 2009 году. «Торнадо» в тот день как раз курсировал по юго-востоку острова, отрабатывая вложенные в него деньги (3 миллиона фунтов) – в его вагонах-ресторанах подавали недешевые рождественские обеды.

«Мы с шиком доставили пассажиров по назначению, – рассказал Марк Аллат, председатель траста владельцев локомотива. – Так что если у других железнодорожных компаний появится желание модернизировать свои услуги с помощью паровозов, всегда будем рады помочь».

Сегодня многие британцы ностальгируют по тем временам, когда их инженеры задавали тон остальному миру. Нация, открывшая историю железнодорожного транспорта, с горечью наблюдает за тем, как ее опережают другие.

Сначала Франция и Япония вырвались вперед со своими скоростными магистралями. (Великобритания смогла построить всего около 100 километров.) Теперь бум перекинулся на другие страны – говорят, даже Турция, Аргентина и Украина скоро получают свои аналоги сверхскоростных пассажирских экспрессов.

А еще британцы переживают, что в стране давно нет возможностей целиком построить новый паровоз. Ведь котел для «Торнадо» сделан немцами. Но романтическая привязанность к паровозам не ослабевает. Достаточно понаблюдать за энтузиастами «Синего колечка», которые годами разыскивают, восстанавливают старые железки, доводя каждую до блеска, и вдыхают жизнь в древние локомотивы империи.

Колею с тремя станциями проложили еще в XIX веке местный граф Шеффилдский и трое богатых помещиков. Они сделали это для собственного удобства, о чем свидетельствует расписание 1877 года: «Ежедневно курсирует состав для четырех пассажиров до Восточного Гринстеда и далее в Лондон». К ро́ме их резиденций, никаких поселений рядом не было.

– Неужели это третий класс? – спросила я своих спутников, когда мы расселись в отдельном купе с бархатными сиденьями и резными украшениями. На стене висела инструкция, куда прятаться во время бомбежки. – Ну и жили вы тут. В России до революции третий класс был общим вагоном, в котором все вместе и плакали, и пели.

– Думаю, мы немного попродавинутое вас были, – скромно заметил Колин, и я вдруг вспомнила, как давным-давно муж то ли в шутку, то ли всерьез предупреждал меня, что муж Линды – русофоб.

Оказывается, в XIX веке железнодорожные компании, особенно американские, предоставляли богатым пассажирам невообразимую роскошь. Мраморные ванны, венецианские зеркала, парикмахерские, бары и даже настоящие каминьы с бальзамическими дровами, как у банкира Моргана, – все это превращало вагоны в дворцы на колесах.

Другой магнат путешествовал составом из четырех вагонов, один из которых был отведен для его личной коровы. Корова эта давала молоко именно той жирности, которая подходила слабому желудку магната...

Наш старинный состав помчался мимо антикварных семафоров, лесов, холмистых пригорков с овечками, пару раз прошел сквозь тоннель и подъехал к станции. Бог мой, там его поджидало немало любителей паровозной старины. Сейчас будут претендовать на наше восьмиместное купе.

– Быстро встали у окна, – приказывает мой муж.

Мы группируемся вокруг него, изображая давку, как на кольцевой линии метро в час пик. Только что носами в стекло не упираемся.

Хитрость срабатывает – нам удается отпугнуть семью стремя орущими младенцами и компанию геев. Они направились в соседние купе, к японским и немецким туристам. И тут появились две бойкие старушки в оборочках и с длинными зонтами. Они собрались подсесть к нам. Ни отрепетированная давка, ни приветливое лицо моего мужа их не смутили.

Тогда он рывкнул в приоткрытое окно:

– Сбегай еще за пивом!

Старушки замерли, потянули острыми носами воздух и дружно отвернулись от нашего купе.

Так и поехали мы вчетвером – граф Шеффилдский со помещиками. В Кингскоте рядом с нами остановился другой старинный поезд, арендованный для свадьбы. Он был украшен огромными белыми бантами, а в окне вагона первого класса, среди хрусталя, один из гостей сосредоточенно расчленил нечто розовое и морское серебряными щипцами.

На обратном пути мои развеселившиеся англичане дурачились, учились говорить по-русски. Линда после нескольких попыток совершенно по-московски произнесла:

– Краси-ивый... – и сразу поинтересовалась. – Можно сказать, что я – Краси-ивый?

– Нельзя, – строго ответила я.

У нее вытянулось лицо.

– Видишь ли, для женского рода другое окончание, – заторопилась я, но увидела, что она уже перестала слушать. Русский снова показался ей сложным, как китайская грамота.

– Ольга, какое у тебя полное имя? – спросил Колин. Они не первый раз соревнуются, кто наконец повторит его без ошибки.

– Ольга Владимировна.

– Как-как? Блади...

– Владимировна, – все равно не запомнят.

– Блади Мэри? – с коварной улыбочкой спросил Колин, и все трое залились смехом.

Сами вы Блади Мэри.

– Колин, – набралась я храбрости, – ты когда-нибудь был русофобом?

– Да глупости... – он смутился, – в Греции на пляже поругался из-за лежанки. Я к русским отношусь лучше, чем к некоторым своим соотечественникам, – и он с негодованием посмотрел на моего мужа.

Злости в его словах не было. Я по себе знаю, что прощание с очередным предрассудком приносит радость. Это разочарование, повернутое вспять.

Бабушка всех подземок Остриющие дикторы и машинисты, Рахманинов для хулиганов и призрак древнего египтянина в придачу: лондонской «трубе» почти полтора века

Моя лондонская станция точно имеет аскетичную двойняшку в Москве, на Филевской линии. Обе построены в условиях строжайшей экономии. Только на лондонской уже не первый год звучит классическая музыка – руководство местной подземки считает, что Рахмани-

нов и Вивальди способны сократить преступность. Вполне верю. Ведь большинство местных «худис» не читали и даже не смотрели «Заводной апельсин».

Сейчас войду в мокрый от дождя вагон, усядусь под плакатиком: «Любовь – это когда на сиденье не кладут ноги», – и понесусь по вечнозеленому пригороду, мимо настенных граффити, мимо чьих-то окошек. В России так близко к железной дороге жилье не строят.

Приблизившись к центру, поезд войдет в тесный тоннель, остановится на первой подземной станции.

– Mind the gap, – прозвучит автоматическое предупреждение о зазоре между краем платформы и дверью.

Фраза, ставшая таким же символом «трубы», как и красный кружок-логотип, с 1999 года и по сей день произносится голосом Эммы Кларк – несмотря на то, что знаменитую дикторшу уволили в 2007 году за нелояльность. Сначала она публично призналась, что боится поездов в «трубе». Масла в огонь подлили размещенные на ее сайте звуковые файлы. В них тем же приятно поставленным голосом Эмма произносила: «Пассажир в красной рубашке, не притворяйтесь, что читаете газету.

Мы знаем, грязный извращенец, вы разглядываете бюст вашей соседки». Или: «Просьба к американским туристам: говорите потише!»

Туристов вычислить просто. Вот по вагону шествует пара. Женщина окидывает пассажиров взглядом и говорит по-русски:

– Ну, Саш, в Африку попали!..

Потом он а наступает мне на ногу:

– Сорри!

– Зэц олрайт, – отвечаю я почему-то по-английски и прикрываю глаза.

– Нет, ты посмотри на этих англичанок, – продолжает она, – ничем их не пробьешь. Как они тут живут? И метро у них отстойное.

Лондонское метро, в самом деле, не может произвести впечатления на избалованную подземными дворцами и четким графиком движения российскую туристку. Но уважать лондонскую «трубу» мы обязаны – как уважают долгожителей за один только возраст. Тем более что трудолюбивая старушка поражает своим масштабом: ее 275 станций расположены на самых разветвленных в мире путях, длина которых достигает 408 км!

Первопроходцы

Мысль о передвижении под землей давно не давала покоя английским инженерным умам. В 1798 году некий Ральф Тодд рыл тоннель под Темзой, пока не увяз в зыбучем песке и долгах. Подобная участь ждала и нескольких его последователей. Все-таки к 1843 году – после прорывов воды, унесших десять жизней, – тоннель был открыт самой королевой Викторией. Он оставался пешеходным недолго: в 1869 по нему помчались поезда, и с тех пор движение не прекращается.

Подземную железную дорогу было решено строить в Лондоне еще в середине XIX века, так как омнибусы и экипажи окончательно потеряли скорость на перегруженных улицах 10 января 1863 года, когда был пущен 3,6-километровый участок от Пэддингтона, пассажирами первого в мире метрополитена сразу стали 30 тысяч лондонцев.

«Труба», как они ее окрестили, трудилась на полную мощность, перевоза 40 миллионов человек ежегодно. К первому тоннелю добавились другие, вырытые тем же открытым способом. В 1884 году они сомкнулись, образовав кольцевую линию.

Локомотивы работали на пару, и, чтобы пассажиры не задохнулись, в тоннелях через каждые сто метров были пробиты вентиляционные колодцы. Должно быть, лондонские улицы, под которыми пролежала «труба», походили на долину гейзеров – с этими вырываю-

щимися на поверхность клубами дыма. Но англичане и здесь нашли остроумное решение: в респектабельном районе Лейнстер Гарденс, дабы не портить пейзаж, спрятали шахту за фальшивым цементным фасадом в полтора метра шириной. Со стороны можно было подумать, что это обычный жилой дом.

Все было впервые, и многим специалистам, кто оказался связан с новым видом транспорта, пришлось заняться изобретательством и рационализаторством. Например, схема станций. Кажется, что может быть проще и очевиднее? Но вначале она располагалась на обычной городской карте. Линии метро выглядели перепутанными.

Помогло вмешательство чертежника Гарри Бека, временно нанятого отделом сигнализации. В свободное от работы время он придумал схему, применив тот же принцип, что и в рисуемых им электросхемах. Этим принципом теперь пользуются метрополитены всего мира: каждая ветка имеет свой цвет и расположена строго по горизонтали, вертикали или диагонали, а станции размечены без учета фактических расстояний между ними.

Пробная диаграмма вышла в свет в 1933 году. К радости автора, нововведение полюбили, и Бек продолжил работу над схемой, пока в 1960 году один самоуверенный чиновник не пожелал занять его место. Диаграмма от этого не выиграла, и последующие авторы старались вернуть ей первоначальную простоту. А в благодарность Беку, который до самой смерти рисовал новые эскизы, на ближайшей к его дому станции установлена мемориальная доска.

Призраки подземелья

Во время войны лондонцы прятались от немецких бомб в метро. Власти сначала были недовольны, но вскоре сами начали снабжать эти стихийные убежища всем необходимым. Некоторые станции даже сделались правительственными офисами. Например, Черчилль говорил, что станция Даун стрит – одно из редких мест в Лондоне, где он может по-настоящему выспаться.

Сейчас от этой небольшой станции, куда довоенные нарядные пассажиры (в основном жители близлежащих богатых особняков) попадали с помощью двух лифтов или винтовой лестницы, остались приметы, понятные лишь следопытам. На поверхности это – дверь в здании новостного агентства, ведущая к сохранившейся лестнице, а под землей – замечаемый пассажирами просвет в тоннеле, через который на мгновение мелькает часть заброшенной платформы.

В такой густо заселенной привидениями стране, как Британия, для них просто обязан найтись уголок в подземке. Хотя призраки предпочитают заброшенные дома и замки, неработающая станция метро ничем не хуже. Например – Олдвич, закрытая с 1994 года, и используемая для модных вечеринок и презентаций. Там иногда появляется туманная женская фигура в длинном платье. Как объясняют очевидцам, это дух актрисы, которая все ждет своего последнего вызова на бис.

Еще один неуспокоившийся на том свете актер с конца 50-х годов пугает народ, бегая по тоннелям в районе Ковент Гарден. После его появления в подсобке станции ее работники потребовали перевести их в другое место. А на станции Банк обитает Черная Монахиня – сестра банковского кассира, казненного в 1811 году. При жизни она, одетая во все черное, каждый вечер в течение сорока лет приходила к банку, чтобы встретить брата. Говорят, ее дух был потревожен рабочими, рывшими тоннель.

В сообществе подземных призраков присутствует также тринадцатилетняя девочка Энн Нейлор, убитая обучавшим ее шляпником и его дочкой. Ее крик, изредка оглашающий своды станции Фаррингтон, называют «вопящим спектром».

Но самые захватывающие сцены разыгрываются на закрытой с 1933 года станции Британский Музей. Здесь разгуливает древний египтянин. В прежние времена одна лондон-

ская газета предлагала награду смельчаку, который провел бы ночь на станции, а в комедийном триллере «Бульдог Джек» рассказывалось про секретный ход из египетского зала музея прямо в метро.

У призраков лондонского метро имеется даже собственный подвижной состав – поезд, управляемый машинистом в старинной двубортной куртке и остроконечной кепке. Издавая пронзительный гудок, этот «летучий голландец» промчался в 1928 году мимо станции Южный Кенсингтон.

«Иисус любит тебя»

Но настоящий страх пассажирам метро внушают, конечно же, не привидения, а живые террористы и преступники.

Помню свою первую самостоятельную поездку по «трубе». Маршрут представлялся несложным, потому что Чизвик, где происходило освящение новой православной церкви, находится на моей ветке. Но путешествие не заладилось с самого начала. Машинист объявил, что следующая остановка последняя и вся линия на ремонте.

– А если вы хотели попасть в Чизвик, – сочувственно добавил он, словно обращаясь ко мне лично, – вам вообще лучше было не садиться в этот поезд.

Пришлось извлекать схему, придумывать обходные пути. Все это было довольно неприятно, потому что к одной платформе здесь прибывают поезда разных направлений, и промежутки между ними составляют иногда до пятнадцати минут.

От расстройства я села не в тот поезд, он оказался пригородным экспрессом и повез меня неизвестно куда. Невезение на том не закончилось – в вагоне я обнаружила себя один на один... как бы пополицейски сказать... с афро-англичанином криминальной наружности. Он пристально наблюдал за моими попытками дозвониться мужу, потом встал и направился ко мне. Я вжалась в велюровое сиденье, решив, что без боя новенький мобильник не отдам.

А он ласково улыбнулся – перед тем, как пройти к дверям:

– До свиданья, сестра. Иисус любит тебя...

В том году метрополитен только начинал свои музыкальные эксперименты с классикой. Уж не знаю, они ли сыграли решающую роль, или усиление патрулей и установка шести тысяч камер видеонаблюдения, но, по последним данным преступность в лондонской «трубе» в самом деле идет на убыль.

Дорогие мечты

Будущее лондонского метро пытались предсказать еще в 1914 году. Один профессор писал в транспортном журнале, что через 85 лет на станциях откроются комфортабельные комнаты ожидания, куда станут моментально стекаться все сообщения о движении поездов – «возможно, даже в виде картинок на художественно подсвеченных экранах».

Предвидел ли он, что крупнейшая в мире система будет страдать от хронической нехватки финансирования? И это – несмотря на то, что последние полвека она находится в общественной собственности (с 2002 года метрополитен работает в условиях частно-государственного партнерства, когда частные компании отвечают за эксплуатацию).

Столичные власти с гордостью и одновременно со скрытым беспокойством констатируют, что за год подземка перевозит почти миллиард пассажиров. Перенаселенность британской столицы всегда служила причиной для открытия новых станций, сегодня к этому добавилась еще Олимпиада-2012.

В более сытые времена правительство лейбористов обещало «трубе» пять миллиардов фунтов инвестиций, и наблюдатели даже сравнивали прежнего мэра Кена Ливингстона с нетерпеливым мальчиком, который наконец дорвался до схемы метрополитена, чтобы пририсовать к ней новые разноцветные линии. При нем была построена ветка к новому терминалу Хитроу.

Пришедшие к власти консерваторы, хоть и урезали все государственные расходы, в инвестициях лондонской «трубе» тоже не смогли отказать. Для метро это реальная возможность обновить оборудование, особенно сигнальное и связи, а также продолжить существующие ветки. Мэр Лондона Борис Джонсон уже мечтает о линиях в южных пригородах.

Что для русского болезнь, у англичанина – хобби

Бес счета

Англичане находят удовольствие в «инвентаризации» всего на свете: локомотивов, самолетов, барсуков

«Семь, восемь... верно – девять», – ступенек в доме не прибавляется. Зачем же я считаю их всякий раз, поднимаясь наверх?

Залезаю в справочники, чтобы узнать: патологии нет, наблюдается лишь легкая встревоженность, – сам Эрих Фромм меня утешил. Оказывается, подобные действия позволяют почувствовать себя активным индивидуумом, без необходимости принимать решения. А правильность цифр дает символический ответ на сомнения в себе и в жизни. Короче говоря, если ступенек вдруг станет десять, это будут очень плохие новости.

После знакомства с чужими научными трудами я и сама призадумалась: о том, что все-таки, запихивая поведение человека в рамки, стоит считаться (опять этот счет) с национальными нормами характера.

Вот, например, я проведу дождливый день на платформе, фиксируя номера всех прибывающих поездов. Близкие в Москве беспокоятся, станут подыскивать хорошего доктора. А англичане просто запишут меня в зануды.

Я видела на пригородных станциях так их сильно увлеченных мужчин – в анораках и с блокнотиками. Подобных им в Британии много. Их зовут train spotters, счетчики поездов, и они хотят отследить все локомотивы в стране. Наверное, их странное хобби – побочное дитя английской любви к систематизированию.

Если имеется склонность, почему бы не посчитать остальное, что не только ездит, но летает? – Уже посчитали: наблюдатели за самолетами, или plane watchers, – вооружившись оптикой, фотографируя взлеты и посадки, коллекционируя названия авиакомпаний и модели. Один отправил жену на юг, а сам остался в аэропорту, где и провел отпуск. Заветные уголки терминалов, адреса отелей, откуда удобно вести наблюдения, приведены на специальных сайтах.

Я прожила неделю в таком раю наблюдателей за самолетами. Первый день, четверг, все удивлялась – почему хорошая гостиница заселена наполовину. Ответ, да не один, прилетел в пятницу утром, когда я разлеглась возле бассейна с хлорированной яркой водой.

Первые самолеты показались интересными: я, забыв про масштаб, сама захотела собрать их в коллекцию. Они шумно шли на посадочную полосу, которая точно должна была начинаться за соседним баром, – белобрюхие, разных моделей и расцветок, с четко различимыми надписями на борту.

В воскресенье – когда пилоты уже воспринимали мой оранжевый купальник как визуальный ориентир, – густо полетели обратные рейсы, и я не могла дождаться своего. Чего нельзя было сказать о соседях по отелю, группе очумевших от счастья наблюдателей.

Наблюдение за самолетами – феномен, отмеченный только в Великобритании и странах Бенилюкса. Поэтому он не всегда находит одобрение у других народов. В 2001 году греческие власти обвинили группу британских plane watchers в шпионаже. Греков можно понять – информация, собранная интуристами около авиабазы, была довольно емкой. Это британские военные пока смотрят сквозь пальцы на увлеченных соотечественников.

Господи, охота пуще неволи. «Я наблюдал самолеты в 22 странах и так полюбил смотреть в небо, что увлекся и птицами. Теперь, если в расписании полетов есть окно, а я вдруг

получаю сообщение о новой птичке, увиденной на юго-востоке Англии, бросаю все дела, выпрашиваю отгул и несусь туда».

Это рассказывает один из любителей, который к тому же стал bird watcher, наблюдателем за птицами. Он поставил жизненной целью насчитать пятьсот разновидностей пернатых на Британских островах, и двести – у себя в Сассексе. Еще у него есть мечта самостоятельно обнаружить редкий вид.

Пернатые так популярны, что массовые издания сообщают новости типа: «Из Америки прилетел необычный дрозд». Или: «Розовый скворец евразийских степей был замечен и замучен недавно в Норфолке – армия наблюдателей в течение двух дней не давала ему передохнуть на ветке. Ослабев, он стал добычей кота».

Сами учетчики природы тоже рискуют. «Ух ты, глазищи в темноте так и горят!» – шепнул охотник перед выстрелом. Но то был не блеск лисьих глаз, а отсветы от прибора ночного видения, который надел один любитель барсуков (наверное, здесь уместно назвать его хобби – badger watcher). Последний был серьезно ранен в грудь.

И все же игра стоит свеч. Хотя счетчики будут искренне уверять, что удовольствие от инвентаризации локомотивов, самолетов и барсуков является чисто эстетическим, я знаю теперь – процесс подсчета дает им иллюзию упорядоченности и контроля над окружающим миром.

Неудивительно, что все в нем давно сложено-перемножено. Педанты еще и резвятся: «Сколько времени потребуется, чтобы население Китая прошло перед вами, выстроившись цепочкой? Понятия не имеете? А мы знаем! А еще знаем процент европейцев, не моющих руки после посещения туалета – 27, и количество разных слов в шекспировских драмах – 31 534, и число авиапассажиров, которых ежегодно пропускает через себя Хит-роу – 66 миллионов».

Но все же Фромм мне что-то недообъяснил. Потому что встречаются цифры, которые вдруг нарушают иллюзию британского порядка и контроля. Вот самые свежие 600 – столько восточных европейцев из присоединившихся к Евросоюзу стран ежедневно прибывают на благословенный остров; 60 миллионов – это фунты, которые уже тратятся на матпомощь им; 6630 – новых больных ВИЧ зарегистрировано в 2009 году (большинство – выходцы из Африки). Учетчики чешут затылки от таких данных, хотя настаивают, что лучше знать и открыто обсуждать, чем пребывать в неведении.

Восстанавливать британское душевное равновесие принято шутками. Итак, сколько времени потребуется, чтобы все китайцы прошли перед вами? – Вечность! (Численность китайского народа постоянно увеличивается.)

А на мой взгляд, если изменить уже ничего не можешь, лучше расслабиться и следить за одной только миграцией скворцов и дроздов, да считать ступеньки, или сдачу в магазине, или просто дни до праздников. Вы так не считаете?

Какого цвета Тинки-Винки Народное английское развлечение – викторина

Ходили на викторину, или квиз-найт. Мы – несколько семейных пар – расположились за столиком номер пять. Одних я уже давно знаю, других увидела впервые: они играют в гольф с нашим приятелем Колином (это он заказывал столик и собирал команду). Всего в зале было человек двести.

Для умственного разогрева перед игрой на столы положили бумажки с разными лингвистическими задачами, ребусами и шарадами – англичане их щелкают, как орешки. Но это единственное, что мне кажется навеки недоступным. Я постепенно вхожу во вкус так их вечеров и показываю все лучшие результаты.

Один из друзей Колина по гольфу, дядечка со снобским выговором, в самом начале, когда я уточняла один вопрос на тему изобретений, поставил меня наместо, сказав:

– Это наверняка было в Британии изобретено.

Мол, сиди, русская тетка, и жди, когда начнутся вопросы про твою заснеженную Россию, типа всяких там спутников и революций.

Но к концу вечера он сам умудрился помочь со всего лишь одним ответом – про сумчатое австралийское животное, и выражение его лица было уже не таким снобским.

Я тем временем блеснула советским образованием в разделе истории – назвала «Утопию» Мора и имя Ллойда Джорджа, который был премьером Великобритании во время Первой мировой войны. Может, они бы и сами своего премьера вспомнили, но пока раскачались...

При каждом моем успехе муж мой гордо приосанивается. Не знаю, что думают остальные товарищи по команде (их-то дамы вообще молча сидят), но изумленные взгляды по касательной я так и ловлю. Возможно, пора притормозить, а то еще заработаю репутацию всезнайки и синего чулка.

Навряд ли им понятно, почему даже англоговорящую культуру иногда лучше их знаю. Про «Серен аду лунного света» Глена Миллера никто, кроме меня, ответить не смог. А то, что Мария Кюри была полячкой, вообще вызвало легкий шок (хотя я подозреваю, что первым вопросом могло быть – кто такая Мария Кюри). Я в очередной раз подумала – насколько же мы, русские (или постсоветские), открыты всему миру, интересуемся всем на свете, не сидим в скорлупе, подобно другим нациям.

Объявили перерыв – привезли еду. «Мальчишки» наши поднялись и вскоре принесли к столу горячие коробочки с чипсами, рыбой и курицей – кто что заранее заказывал. Колин бросил на середину пригоршню разноцветных пакетиков с уксусом и соусами. Напитки давно уж там стояли, каждый с собой принес. Кто-то пил вино, кто-то смешивал незамысловатые коктейли, типа шэнди – пива с лимонадом.

Народ ел, пил, потихоньку хмелел.

Во второй части викторины был вопрос про Суэцкий канал: с одной его стороны находится Красное море и город Суэц. А что находится с другой стороны?

– Индийский океан? – впервые за вечер подает голос Сю, работница банка в Сити.

Все безжалостно фыркают в ее сторону и сразу морщат лбы – ответ-то до сих пор неизвестен. А расстроенная Сю принимается нервно накручивать на палец свой светлый локон.

– Порт Саид там находится, и Средиземное море, – вспоминает наконец ее муж. Честь семьи спасена.

Но после Порта Саида начинается невезуха. Что ни вопрос, отвечаем неправильно. Я тоже – назвала помесь ослицы и жеребца мулом. А это был лошак.

Огласили предварительные результаты – наша команда вторая с конца. Во время предыдущей игры я видела, что награждали не только лучший столик (там сидела команда тихих очкариков: «школьные учителя», как с завистью сказал Колин), но и самых слабых игроков.

Меньше всего баллов тогда набрала компания старушек-веселушек – они получили бутылку красного вина и были счастливы. Я еще подумала, что проигравшим надо не вино, а витамины для улучшения памяти вручать.

И вот перед нами перспектива – оказаться самыми глупыми из двадцати с лишним команд. Колин пройдет к сцене, народ поаплодирует столику номер пять, снисходительно разглядывая нас, больных.

– Главное, не принимай близко к сердцу, – шепчет муж.

– Не играй всерьез, – советует с другой стороны Колин.

Во второй части вечера стало повеселее, потому что вопросы пошли самые разнообразные – и для книжных червей, и для домохозяек. Вплоть до детского: какого цвета телепузик Тинки-Винки.

Когда началась музыкальная часть – «Послушаем песню и вспомним, кто ее исполнял, из какого она кинофильма?» – зал начал подпевать. «И действительно, чего я так разволновалась из-за проигрыша», – рассуждаю под знакомую мелодию Тома Джонса. Ведь не в «Кто хочет стать миллионером» играем, люди просто пришли посмеяться и пообщаться.

К счастью, снова начались вопросы с политическим подтекстом:

– Кто был главой Тайваня после Второй мировой войны?

– Кто стоял во главе Северного Вьетнама во время войны с США?

Отдохнувший было зал растерянно загудел, а мои англичане с надеждой посмотрели на меня. Ну, это проще простого – кто же не знает Чан Кай-ши и товарища Хо Ши Мина. В моей памяти одновременно всплывают китаец в военном френче, аскетичное лицо с жидкой бородкой и странный круглый памятник на площади Хо Ш и Мина в Москве. Его еще рублем юбилейным называли. Друзья по столику номер пять снова молча недоумевают: почему я знаю ответы, а он и не знает.

Да потому что политинформаций у вас в детстве не было. И газеты советские вы никогда не штудировали.

– Какой глава государства стучал по столу ботинком в ООН? Это для всех легкий вопрос.

Без колебаний написав фамилию Khrushchev (с восемью согласными!), Колин вдруг просит:

– Ольга, добавь здесь по-русски.

Сразим арбитров наповал. Вывожу печатные «щ» и «е», а все наблюдают за моим карандашом: надо ж, только что сидела, как обычный человек, и вдруг иероглифы принялась рисовать.

– Инопланетяне, – тихо говорит сам себе Колин.

Последняя серия вопросов посвящена диснеевским фильмам. Наступает звездный час Линды. Она помнит и актеров, и сюжеты, и музыку. Заполненный ею листочек отправляется на сцену к судьям... Ура. Ни одной ошибки. Мы приходим к финишу с достойным средним результатом.

Следующая викторина состоится через месяц. Народ как раз успеет соскучиться по этой легкомысленной атмосфере, по самодельным коктейлям и рыбе с чипсами на столе, по залитым вином бумажкам с шарадами, по старым песенкам, вопросам про политиков и телепузиков.

Обмен женами Соглашаясь на участие в новом телешоу, никто не осознавал последствий

В небольшой аккуратной кухоньке на западной окраине Лондона чернокожий мужчина с волосами, собранными в хвост, на фоне горы немытой посуды отчитывает белую пухленькую женщину:

– Если в доме есть какая-то работа, она должна быть сделана. Хватит бездельничать перед теликом! Понимаю теперь, почему ты такая толстая.

Женщина только что пришла домой после двенадцатичасового рабочего дня. Но для мужчины это не аргумент:

– Если бы ты была моя жена, избавился бы от тебя на следующий день.

– Да если бы ты был моим мужем, выбросила бы тебя в окно! – огрызается толстушка.

Это эпизод из «Обмена женами» – британского документального телесериала, с первых же показов приковавшего внимание рекордной аудитории. Идея его проста и не требует больших продюсерских капиталовложений. Две женщины, обе матери и жены (или просто «партнеры» для своих мужчин – если живут в незарегистрированном браке), соглашаются на две недели оставить свой дом, чтобы жить в другой семье. Для каждой из них эта другая семья – полнейшая загадка. Ключ от входной двери и адрес – единственное, что женщина получает перед переездом.

Для большинства героинь то, что поначалу казалось веселым приключением, неожиданно превращается в испытание. В одной из серий молодая кокетливая Кэрол, преподаватель в театральном кружке, стала временной жертвой Барри, неработающего, «профессионального азартного игрока», «профессионального посетителя тренажерного зала», как он сам себя охарактеризовал. Настоящая жена Барри, Мишель, за все годы супружества не видевшая, чтобы ее муженек пошевелил пальцем дома, взамен получила утренний кофе в постель и бокал вина в пенной ванне по вечерам, которыми ее потряс супруг Кэрол.

Похоже, что съемочная группа специально сталкивала противоположные жизненные уклады, программируя захватывающий конфликт. Героиня эпизода на кухне, Ди, белая, среднего возраста, сверхсредней упитанности, командир в своем доме, никогда не скрывавшая своего отрицательного отношения к смешанным бракам, получила в мужа Лэнси, черного, авторитарного, небольшого любителя белых, как выяснилось вскоре, и к тому же покуривающего марихуану... Муж Ди, водитель автобуса Дэйв, раздобревший на готовых пиццах и гамбургерах мужичок, который последний раз занимался спортом в 1971 году, заполучил Соню, дисциплинированную чистюлю, фанатичку фитнеса и здорового питания. Эффект от такого обмена поразил не только зрителей, но и самих продюсеров.

Ди заподозрила неладное, только открыв холодильник в новом доме, когда семья еще не собралась вместе: «Кто такие живут здесь? Они не англичане. Пьют кокосовое молоко». А в это время в квартирке Ди новая жена Соня в недоумении рассматривала полки, подоконники и диваны, оккупированные сотнями мягких игрушек, которые Ди собирала с четырнадцати лет.

Первую неделю, по условиям авторов программы, новая жена не пытается изменить что-либо в новом доме, выполняя все обязанности предшественницы. Наследующей неделе она диктует свои правила.

Старшая дочка Ди и Дэйва, Мэри, с самого начала невзлюбила гостью, поэтому, когда Соня освободила комнату девочек от пыльной плюшевой коллекции, Мэри обозвала ее «черной сукой». Соня обратилась за поддержкой к Дэйву. И Дэйв впервые за восемнадцать лет, как он потом признался, повысил голос, отчитав грубиянку Мэри. Соня все же нашла взаимопонимание с ним и младшей дочкой.

А в это время Ди не прекращала браниться с Лэнсом и жаловаться шепотом в камеру: «Лэнс – шовинист, один из тех, кто думает, что женщина должна сидеть дома. Он пещерный человек. Назвал меня никуда не годной белой коровой».

Создателя «Обмена женами» Стефана Ламберта обвинили в показе грубой стороны жизни, в том, что сериал использовал простых людей как подопытных мышей, эксплуатировал их для потехи «образованных классов». В оправдание продюсер сказал, что не представляет, как можно снять реальную жизнь другим способом: «Конечно, мы хотели, чтобы женщины приходили жить в семью, сильно отличающуюся от их собственной. Но мы старались сохранять при съемке полный нейтралитет».

По законам нового жанра в конце двухнедельного срока пары встречались в ресторанчике или пабе, чтобы обменяться впечатлениями. Дружить семьями не стал никто. Чаще всего такие встречи выливались в перебранку. Заброшенные дети, неопрятный дом, нездо-

ровая еда, обнаглевший супруг, чрезмерное увлечение карьерой – все что угодно могло стать предметом для осуждения.

– Никто из нас не осознавал, соглашаясь участвовать в проекте, что может произойти. Я думал: ну что интересного в передаче, где люди занимаются рутинным домашним делом, – сказал герой последней серии, пекарь Грэхэм, жизнь с которым временная жена назвала адом.

Почти все участники программы сожалеют, что впустили чужаков в свою семейную жизнь. В коротких интервью для газеты «Дейли мейл» они признались, что их жизнь уже никогда не будет прежней. Дальше всех пошла Мишель – она просто разошлась со своим профессиональным игроком и посетителем тренажерных залов после десяти лет семейной жизни. Он в ответ пожаловался, что передача разрушила его налаженный быт, потому что «запудрила мозги» его жене. Теперь придется искать новую Мишель, причем внешность для Барри большого значения не имеет.

В семье Ди, наоборот, произошли улучшения. Ее муж Дэйв теперь получает больше внимания, дочку Мэри отучили сквернословить – и все потому, что Ди увидела свою жизнь со стороны и ужаснулась. А Лэнси принял непростое решение жениться на своей партнерше Соне и уже подарил ей кольцо, так как «только после обмена оценил ее по-настоящему».

Документальная съемка по принципу «мухи на стене», когда камера не скрыта, но герои просто привыкли к ее присутствию и ведут себя естественно, привела к появлению широко известных программ, включая «Большого брата». Но такого, чтобы убедить людей отдать ключ от своего дома и впустить зрителей в самое святое – семью, до «Обмена женами» еще никто не придумывал.

Воодушевленная произведенной сенсацией съемочная группа продолжила съемки сериала. Новый проект купили для своего телевидения американцы. В США он тоже собрал многомиллионную аудиторию.

Об искусстве готовить йоркширский пудинг, и не только его

Жаба в дыре Мало кому из туристов, чей маршрут ограничен лондонской кольцевой дорогой M25, удается отведать старую английскую кухню

Не ведала я, что с йоркширским пудингом у меня сложатся особые отношения. Сам рецепт звучит легко, как «хау ду ю ду». Смешиваются мука, соль, два яйца, молоко или вода. В результате последующих несложных манипуляций и получаса в раскаленной духовке получается нечто золотистое, воздушное, хрустящее снаружи, но мягкое и чуть сырое – внутри.

Пудинг кладут на большую тарелку рядом с тонкими брусками вареной моркови и зеленой стружкой отварной капусты, жареными в духовке картофелем и пастернаком, брокколи и цветной капустой, пюре из брюквы и зелеными стручками фасоли.

Пудинг – обязательная часть семейного воскресного обеда с восемью овощами, а также жарким из говядины, свинины или баранины. Вот все садятся за стол, любясь на разноцветие и разнообразие еды в своих подогретых тарелках. В каждую тарелку наливается коричневая подлива, от теплого пудинга отрывается кусочек, окунается в подливу... В течение первых минут за столом не слышно разговоров, кроме: «Ты соль (перец, хрен, горчицу, соус) не передашь?» Это еда, которая занимает тебя целиком.

Так вот, мой йоркшир получался плоским и тяжелым. Тогда я попыталась сделать его разновидность – Toad-in-the-hole, или «Жабу в дыре», – большой пудинг с запеченными в нем сосисками, который подается с луковой подливой.

Но вместо народного ингерландского блюда вышел французский омлет. Жаба, одним словом.

– Это не йоркширский пудинг, – заметил муж, который очень равнодушен ко всему, что связано с едой.

Пришлось выслушать его иронические советы. Только когда он увидел, что я готова расплакаться, стал мне сочувствовать. Не прошло и недели, и мы поменялись местами – он тоже встал у плиты. Но и его пудинги оказались плоскими черными блинами. Я увидела в этом справедливость.

Может, сырая погода действует на выпечку, сказали мы друг другу. Пудинг – он ведь по характеру нежный, как безе.

Наступили солнечные дни, но ничего не изменилось. Я уже малодушно оглядывалась в магазине на упаковки замороженных пудингов, когда услышала первую подсказку – никогда не приоткрывайте дверцу духовки во время выпечки. А дальше посыпалось: из телевизионных программ, из заляпанной книжки «Основы кулинарии» 1952 года, доставшейся мужу в наследство от бабушки...

Размешивать тесто не меньше десяти минут, дать ему выстояться несколько часов. Поднос (такой глубокий, с круглыми ячейками для индивидуальных пудингов) и жир в нем должны быть раскаленными, когда туда выливается тесто. Ставлю теперь поднос в духовку, любуюсь сквозь окошко, как мои пудинги резво поднимаются, и думаю: почему современные поварские книги не сообщают этих простых секретов?

После такой удачи я замахнулась на чеширский пирог со свиной и яблоками. Надо сначала сделать из горячего жирного теста форму, облепив им высокую банку, потом через час вынуть ее, заполнить форму начинкой, залепить крышечкой из теста, сделать дырку с трубой для выхода пара и выпекать два часа.

Следуя рецепту из красивой книжки, купленной на Новом Арбате, я налила сверху сидра. Хотя сомнения имелись. Сидр вытек, на подносе образовалась лужа, а высокий пирог накренился набок, как гриб со скошенной шляпкой. Этот результат недоученных уроков домоводства остывал всю ночь. Но когда я наутро вырезала ломоть – оказалось неплохо. Старинный чеширский пирог такой получился. Его хорошо есть в жару, с холодным яйцом и салатом.

В другом новом сборнике по кулинарии есть фотография английского пудинга с мясом и почками. К ней прилагается рецепт, в котором перечислены петрушка, чеснок, лавровый лист и другие специи. Нов начинке настоящего пудинга кроме мяса и почек присутствуют только соль, перец и маленькая луковица.

В свое время французские литературные классики внушили остальному миру, что английская еда безвкусна и скучна. До чего же несправедливое мнение! Просто англичане, в отличие от французов, больше ценят прелесть натурального, не заглушенного примесями аромата.

Я безуспешно искала этот настоящий английский пудинг в Лондоне, а попробовать его наконец удалось среди полей и лесов Эссекса, в уютном деревенском пабе, украшенном фарфоровыми фигурками и другими незамысловатыми вещицами.

Чтобы узнать традиционную кухню, стоит отъехать подальше от мегаполиса. На всю жизнь мне запомнятся сосиски, которые мы купили в лавке кимберлендского мясника. Пирог с мясом и картошкой, съеденный на берегу в Корнуолле. Чай с густейшими сливками, клубничным джемом и булочками-сконами в чайной комнате Девоншира. Был еще немаленький кусок чесночного, завернутого в листья сыра, приобретенный на ферме в Глостере, – но о нем я вспоминаю с раскаянием, не стоило мне тогда так жадничать.

Староанглийская кухня уходит из больших городов. Остаются базовые блюда: чипсы с рыбой, воскресное жаркое, пастуший пирог в пабах, стейки и сосиски. Они теперь уживаются с китайской и индийской кухнями. В нашем крошечном лондонском пригороде, заселенном преимущественно коренными англичанами, на главной улице с четырьмя заведениями английской кухни соседствуют два итальянских ресторанчика, три индийских, четыре китайских и один тайский.

Мало кому из туристов, чей маршрут ограничен лондонской кольцевой дорогой М25, удастся отведать настоящий деревенский пудинг. Так и вернутся они домой, не расставшись с предрассудками.

И будут думать, что все англичане пьют кофе и апельсиновый сок, еще не встав с постели, не могут жить без овсянки (сэр), ежедневно съедают жирный гигантский ланч с кровяной колбасой, грибами, беконом, почками и прочим, дома жарят селедку, готовят яйца по-английски, а также йоркширский пудинг из секретных ингредиентов – скорее всего, из картофельного пюре. Да, еще чаепитие у них строго по расписанию: это святое, в пять часов весь «туманный Альбион» звякает фарфоровыми чашками и молочниками.

Сведения из предыдущего абзаца относительно свежие. Про картофельный йоркширский пудинг я прочитала в самолете «Аэрофлота», листая отечественный журнал, посвященный кухням мира. Остальное пришло из российского кулинарного Интернета.

Меня развеселили «яйца по-английски», с уточнением в скобках – Scotch eggs. На самом деле, шотландская это вещь, как, впрочем, и овсянка. И расстроил рецепт «нового» йоркширского пудинга. Чего там только нет – томаты, паприка с орегано, салями. Это не йоркширский пудинг, как сказал бы мой муж. Это – пицца.

Большой воскресный обед

Это удовольствие, ради которого не лень провести у плиты несколько часов воскресного дня

Импровизировать с классикой всегда интересно, потому на каждой кухне и стоит свой неповторимый аромат. Только хочу предупредить, что мои рецепты могут немного отклоняться от английской обеденной традиции.

Если у вас нет двухсекционной духовки, начинать лучше с **йоркширского пудинга**. Для него потребуются:

- 230 г просеянной пшеничной муки;
- щепотка соли;
- два яйца;
- 570 мл холодной воды, смешанной с молоком, или одно молоко.

1. В глубокой миске смешать муку и соль, сделать в центре углубление и, помешивая деревянной лопаткой, вливать туда жидкость с взбитыми в ней яйцами. Полученная смесь по консистенции будет жиже сметаны. Размешивать не менее 10 минут. Дать немного отстояться.

2. Влить в круглые ячейки металлической формы для порционных пудингов (если ее нет, можно использовать любые другие формочки для выпечки диаметром 4–6 см) по полстоловой ложки оливкового масла и поставить на средний уровень разогретой до 230 градусов духовки.

3. Подождать около 10 минут, пока раскаленное масло в формочках не начнет дымиться, и быстро влить в них приготовленную смесь, немного недоливая до края форм.

4. Теперь самое главное – совсем не приоткрывать духовку в течение 25 минут. Но и этого времени может быть недостаточно, поэтому надо с осторожностью проверять готовность пудингов: даже если верхушка хрустящая и золотистая, дно может быть не до конца пропеченным, и пудинг осядет прямо на глазах.

Чтобы добиться нижней корочки, нужно быстро переложить пудинги из форм на решетку и оставить еще на 4–5 минут в духовке.

После пудингов в духовку можно ставить мясо. Идеальными вариантами являются нога ягненка или говядина. Но если едоков всего четверо или пятеро, я обычно покупаю **полтора-два килограмма нежирной баранины или свинины** для запекания. В отличие от говядины, их сложно пересушить. Для приготовления мяса мне нужны:

- оливковое масло;
- жидкий мед;
- острая или зернистая горчица;
- свежий или сухой розмарин (для баранины);
- полголовки чеснока;
- любое сухое красное вино;
- свежемолотые морская соль и перец.

1. Мясо шпигуется дольками чеснока, обмазывается оливковым маслом, медом и горчицей, слегка посыпается солью и перцем и укладывается в форму для выпечки, в которую налито полстакана красного вина. По краям добавляются 2–3 веточки розмарина.

2. Я предпочитаю ставить мясо в сильно раскаленную духовку и сбавлять температуру до 190–200 градусов через 20–25 минут, когда появляется поджаристая корочка.

3. Чтобы мясо не пересыхало, надо поливать его соком со дна формы и можно перевернуть кусок два-три раза в течение выпечки. Что касается времени жарки, то, помня об

указанных в справочниках нормах, лучше все-таки проверять готовность, больше доверяя собственным глазам и опыту.

Мясо обычно готово через 2–2,5 часа. Чтобы оно не пересохло и не сгорело, я под конец прикрываю его фольгой. За 40 минут до готовности отливаю в морозостойкую емкость часть мясного сока и ставлю в морозилку. Они мне понадобятся для приготовления подливки.

4. Мясо должно быть извлечено из духовки за 15 минут до нарезки. Пусть постоит под фольгой – так оно дольше сохранится теплым и сочным.

Пока мясо в духовке, надо заниматься **овощами: картошкой, пастернаком, савойской капустой** (рыхлая, с зелеными «гофрированными» листьями, она очень вкусна, но почему-то мало известна в России. Поэтому, если купить ее не удастся, придется использовать обычную белокочанную), **брокколи, цветной капустой, брюквой и морковью**. Это мой обычный набор. Другие хозяева добавляют к нему зеленую фасоль или мятное пюре из зеленого горошка – кому что нравится.

Начинать лучше с **картофеля и пастернака** – они требуют больше всего времени.

1. Крупные очищенные картофелины разрезать на 3–4 части и варить вместе с пастернаком, пока они не станут слегка мягкими. Выложить их на сито, сохранив в отдельной посуде часть отвара, и обсушить.

2. Приблизительно за полтора часа до обеда налить в большой противень щедрую порцию оливкового масла и поставить в духовку, где уже готовится мясо. Температура духовки в это время не должна быть ниже 200 градусов.

3. Через 10 минут, когда масло на противне раскалится, осторожно положить на него картофель и длинные полоски пастернака, разрезанного вдоль на 2 или 4 части. Повалить их по противню, чтобы они промаслились со всех сторон. Опытные повара объясняют, что нельзя начинать жарку на холодном масле – картофель просто пропитается им. По той же причине нельзя надолго оставлять картошку на противне, когда он уже вынут из духовки. Если вы любите особенно поджаристую корочку, перед запеканием овощи можно слегка смазать медом.

4. Жарка занимает час. За это время картошку и пастернак надо 2–3 раза перевернуть. Можно добавить к мясу **начинку**. Она, хоть и называется начинкой, обычно готовится в отдельной от мяса посуде или на промасленной бумаге. Жирным сортам мяса она добавляет необходимую горчинку, а постные, наоборот, обогащает. Здесь главное – правильно подобрать ингредиенты. Моя любимая универсальная начинка для свинины и баранины состоит из:

- двух луковиц;
- 120 г пшеничных крошек;
- шалфея: 4–5 листьев свежего или 2 чайных ложек сушеного;
- 25 г сливочного масла;
- 2 столовых ложек нарубленной кураги;
- немного кипятка;
- половины чайной ложки соли;
- щепотки перца.

Луквицы поместить в холодную воду, довести до кипения и варить 5 минут. Затем поменять воду на свежую и варить до мягкости, мелко нарубить и смешать с остальными ингредиентами. Дать постоять 5 минут и сделать из массы шарики, которые выпекаются в духовке 30–40 минут при тех же 200 градусах.

В отличие от картошки и пастернака, все остальные овощи не отнимают много времени – их просто варят (по отдельности, за исключением брокколи и цветной капусты), сливая часть овощного отвара в ту же посуду, где уже находится картофельный отвар. Полу-

чившийся общий **овощной отвар** – около 500 мл – вскоре понадобится для приготовления обильной подливки.

Брюкву нарезать на небольшие куски, варить до полной мягкости, затем помять до пюреобразного состояния. Слишком стараться не надо, так как многие любят это пюре с крошечными неразмятыми кусочками. Я добавляю в него:

- соль;
- щепотку натертого мускатного ореха;
- кусочек сливочного масла.

Жидкость для него почти не требуется, просто я оставляю немного отвара. Но кому-то может понравиться брюква со сливками или молоком.

Со сливками, плюс немного раздавленного чеснока, очень хороша **савойская капуста**. Пока она тушится в них до готовности, они выкипают, придавая капусте кремовую насыщенность. Если бы еще сливки небыли такими жирными...

Я просто варю капусту в воде – недолго, чтобы она осталась упругой. Вот два совета по ее нарезке: сначала надо убрать жесткие части листьев, затем свернуть каждый листок трубочкой. В результате получается тонкая курчавая стружка.

Брокколи и цветную капусту можно подавать политыми сырным соусом и разогретыми под грилем, но в классическом обеде сырный соус необязателен.

Итак, овощи готовы. Приготовление обеда выходит на финишную прямую. Время положить в духовку йоркширские пудинги – ненадолго, для разогрева. И делать **подливку**. Жир к этому времени замерз в морозильнике – его нетрудно отделить от мясного сока. Для приготовления подливы также понадобятся:

- 1–2 столовых ложки муки, пшеничной или кукурузной;
- овощной или бульонный кубик (а в идеале – натуральный концентрированный бульон);
- 2–3 столовых ложки красного сухого вина.

В глубокой кастрюле поджарить муку на жире, пока она не станет слегка коричневой. Затем, постоянно помешивая, добавить овощной отвар, бульонный кубик или концентрированный бульон, мясной сок из морозилки и вино. Поварить 1–2 минуты. Подлива должна быть достаточно жидкой. Процедить ее в большой соусник.

Когда духовка освободится, в нее можно на минуту положить обеденные тарелки – они должны быть теплыми. Все обязательно должно оставаться теплым! Поэтому надо успевать поворачиваться: раскладывать овощи в подогретые миски, резать мясо (это, впрочем, можно поручить мужчинам). На данном этапе придется закрыть кухонное окно, чтобы ничего не остыло раньше времени.

Пора звать к столу. В моем доме, как и во многих других, гости сами накладывают еду на тарелки, выбирая любимые ингредиенты. Я в это время последний раз проверяю, все ли стоит на обеденном столе. Кроме перца, соли и горчицы хорошо еще подать соус. Для свинины идеально подходит самостоятельно сделанное яблочное пюре без сахара, а для баранины – мятный соус (его я покупаю).

ГМО в хлебе насущном На Западе натуральные продукты стали привилегией богатых и образованных

В лондонском Музее науки проходила выставка «Еда будущего». Она была оформлена как дискуссия о генетически модифицированных организмах (ГМО). Редко какая тема вызывает столь полярные мнения. Тут можно было бы пошутить про вечный спор лилипутов с блефусканцами, если б на карту не было поставлено здоровье человечества. И дискутируют

между собой не дилетанты, а профессора, руководители агрокомплексов, государственные мужи. Даже принц Чарльз, известный своей любовью к садоводству и огородничеству, отметился в споре, сказав жесткое «нет» ГМО.

На выставке в числе других экспонатов были представлены два початка кукурузы: один красивый, будто сделанный из пластмассы, с измененным генетическим кодом, и другой – обычный, с вкраплениями потемневших зерен. Какой из них лучше? Как ни странно, в английском супермаркете именно невзрачный стоил бы раза в два дороже. И на его ярлыке было бы написано «органика», потому что он выращен без химикатов и генетических чудес, на старом добром навозе.

Но у британцев хотя бы есть выбор, которого нет у 900 миллионов голодных из стран третьего мира. Это именно их обещают накормить дешевыми трансгенными продуктами. Ведь теперь для получения нового качества можно скрестить несовместимые прежде вещи – хоть слона с помидором. Генные инженеры додумались даже до риса, который удобряет себя сам и растет в соленой воде. И до винограда, алкогольный напиток из которого не вызывает похмелья.

За последние десять лет прибыли глобального трансгенного фермерства составили 40 миллиардов долларов. «Наши продукты не вредят здоровью, – утверждают производители ГМО. – Взгляните на американцев, которые едят их не первый год. Разве они мрут как мухи?»

На что оппоненты отвечают: а вы посмотрите на своих американцев через два десятка лет. ГМО подобны ядерной бомбе с часовым механизмом. Их вредное воздействие уже доказано на подопытных животных, у которых нарушались функции печени, почек, поджелудочной железы. Просто эту информацию не распространяют, уж слишком хорошие деньги приносит такой бизнес.

Генетически модифицированные растения являются губками для пестицидов, потому что они либо сами их производят, либо чрезвычайно устойчивы к их воздействию. Детям и беременным нив коем случае нельзя употреблять их. И насчет прибылей фермеров – с какой стороны посмотреть. Чего стоят одни семена-«терминаторы», которые дают стерильный урожай, неспособный к самовоспроизводству. Они ставят фермера в вечную зависимость от биотехнологической корпорации.

А тем временем многие проблемы можно решить без генетических фокусов. С помощью классической селекции, например.

В Африке, где население из-за нехватки витамина А страдает болезнями глаз, обычные сорта маиса скрестили с маисом диким, богатым именно этим витамином. Успех налицо... Или – с помощью хороших дорог: ведь в той же Африке 30–40 % урожая теряется при транспортировке.

Отношение к ГМО разделило мир на два лагеря. 23 страны согласились на щедрые урожаи по новым биотехнологиям. Американский континент является лидером в этой области, с почти 63 миллионов га только в США. Единственное исключение в Америке – Венесуэла, которая не принимает ГМО ни в каком виде.

Россия не выращивает трансгенные продукты, но остается открытой для их импорта. У нас поставщики не обязаны сообщать о содержании ГМО, не превышающем 0,9 %, если только они не направляют продукцию в детские и лечебные учреждения.

Слегка затронута Австралия. Африканская карта, кроме Южной Африки, Буркина Фасо и Египта, пока чиста. Но мощное вторжение на этот огромный рынок уже началось. Аналогичная ситуация и в Азии. Китай отдал почти 4 миллиона га под ГМ-хлопок, рис и овощи. Индия до недавнего времени выращивала только модифицированный хлопок, теперь готова принять на свои поля трансгенные рис, томаты, картофель, сою, горчицу, сахарный тростник.

В Индии дискуссия о необходимости этого шага перешла в настоящую борьбу. Остроты ей добавили европейские ученые, посетившие недавно Дели. Они призвали индийскую общественность не пускать на свою территорию продукцию, от которой все активнее отказывается Европа.

Хотя Евросоюз и приоткрыл в свое время дверь для генетически модифицированных организмов, более или менее весомые трансгенные урожаи снимают только Испания, Португалия, Чехия, Германия, Польша, Румыния и Словакия. Венгрия проявила непокорность, полностью отказавшись от производства и импорта ГМ-маиса.

Можно представить, какое давление испытали венгры со стороны лобби производителей ГМ-растений. Но венгерское правительство предпочло прислушаться к выводам ученых о том, что модифицированные растения нарушают равновесие в природе и убивают пчел. Сельское хозяйство не может обойтись без этих главных опылителей. Говорят, еще Эйнштейн предупреждал, что если пчелы вымрут, жить человечеству останется от силы четыре года.

И в Британии нарастает движение за сокращение рискованных биотехнологий.

Уэльс провел референдум о строгих ограничениях для ГМО. Пыльца и семена способны перемещаться на десятки километров, поэтому, если трансгенные растения «заразят» своими свойствами соседские органические посадки, виновные фермеры будут платить крупные штрафы.

Но этому экологическому движению подозрительно упорно мешают некоторые министры и члены парламента. Прежде лейбористов обвиняли в попытке без дебатов разрешить выращивание двух сортов модифицированного маиса. А теперь сторонники ГМО вдруг обнаружились среди правящих консерваторов. «Жаль, что нельзя генетически создать члена парламента, неподдающегося коррупции», – иронизируют британцы.

Люди все больше осознают, как опасно вторгаться в святую святых природы. Когда человек воображает себя богом, это ничем хорошим не заканчивается.

Супермаркет на букву «С» Почему в Лондоне продукты свежее, чем в Москве

– Разве можно рыбу в вакуумной упаковке брать? Ты не представляешь, что у нас с ней делают – и подкрашивают, и запах с помощью химии убирают. Что-то ты, мать, в своей Англии расслабилась! – сказала мне подруга.

Да, я утратила бдительность. А ведь прежде часто сравнивала свой респектабельный московский супермаркет с лондонским. Даже то, что названия у обоих начинались на «С», казалось мне приятным совпадением. «Почему бы и нашим не установить аппаратик с отрывными бумажными номерками?» – благожелательно размышляла я, томясь в неорганизованной нервной очереди у отдела нарезки.

И ни филе судака в шубе изо льда (лед включен в стоимость), ни грубость кассирши, ни персик, до последнего прятавший свой подгнивший бочок в хитрой упаковке, ни другие мелочи не могли надолго испортить мне настроение. Я любила отечественный супермаркет.

Зимой у них проходила акция по продаже деликатесной малосоленой рыбы, и я стала ее участником. Дома, правда, подсознательно удивилась нездешней розовости филе и полному отсутствию рыбного запаха, но даже это меня не остановило. Мы с мамой обе отравились. Она отделалась сравнительно легко, а я промаялась больше двух недель. Потратила на антибиотики тысячу с лишним – при том, что на рыбе сэкономила всего сотню.

В аптеке услышала от провизора: «Вы не первый наш клиент из этого супермаркета. На вашем месте я бы так просто это не оставила». Но что можно было доказать, если ни упаковка – невзрачная, с именем никому не известного производителя – ни сама рыбка у

меня не сохранились? Я поделилась печальным опытом на форуме Общества защиты прав потребителей. Народ ответил, что и колбасу в этом супермаркете покупать опасно.

Вот в лондонском магазине за свежестью следят. Если на ярлыке сказано: «продавать до такого-то числа, употребить до такого-то числа» – то, как бы хорошо эти кенийские бобы, клубника из Испании или креветки из Гондураса ни выглядели, их уценивают. За восемь лет я лично ни разу не сталкивалась с испорченным товаром.

Я не идеализирую англичан, у них свои заморочки. Слишком много химии добавляют в еду, теперь вот генетически модифицированные продукты собираются сделать нормой. Но выбор у потребителя всегда есть. Те, кто заботится о своем здоровье, покупают органическую продукцию. По их убеждению, «чистая» еда не должна содержать искусственные ароматизаторы и сахар в качестве основного ингредиента. Она вообще не содержит более пяти-шести ингредиентов, особенно если они неопознаваемы или труднопроизносимы.

Чем меньше продукт изменен по сравнению с тем, как он выглядит в природе – тем он полезнее. Например, яблоко на полке магазина почти не отличается от яблока на ветке, но картофельные чипсы даже отдаленно не напоминают картошку. Диетологи также советуют избегать продуктов, названия которых были неизвестны нашим прабабушкам в дни их молодости.

Я заинтересовалась английскими прабабулями. Оказывается, в викторианские времена народ ел почти все, что бегало, ползало, летало или плавало: куропаток, жаворонков, вальдшнепов, зайцев, морских петухов, корюшку, птичек-зуйков, бекасов, плотву, угрей, линей, индюшат. Обилие фруктов и овощей поражало. Яблок в Британии было две тысячи сортов, о чем сегодня многие жители островов вспоминают с гордостью и ностальгией.

В те времена среднестатистический британец съедал почти в три раза больше груш, в два раза больше винограда, в пять раз больше сухофруктов, чем сегодня. По овощам картина еще более впечатляющая: лук, репа, брюква, капуста были настоящими королями меню. Зато сахара люди потребляли в три раза меньше.

То, что сегодня считается деликатесами, на столе присутствовало в изобилии. Воды вокруг Британии кишели омарами. Ими кормили заключенных и сирот, удобряли почву. Слуги нанимались на работу при условии, что хозяева не будут предлагать им омары чаще двух раз в неделю. («Опять вы мне этих лобстеров поставили!»)

Но викторианские потребители были людьми крайне недоверчивыми. Ведь нечестные поставщики добавляли в свой товар всякую дрянь, подкрашивали его вредными веществами. В сахар подмешивали гипс, пыль. В масло – колесную мазь и топленое сало. В чай – грязь и песок. Не существовало продукта, который не мог стать объектом манипуляций. Продавцы даже вишни слюнявили для придания им товарного вида.

Единственное, что можно сказать в их оправдание – в XIX веке доставка и хранение товара являлись нелегкой задачей. Ни рефрижераторов тебе, ни грузовых самолетов. Уже было изобретено консервирование, но добраться до содержимого банок было непросто. Их изготавливали из кованого железа, а в инструкции говорилось, что для вскрытия банки потребуются молоток и долото.

Главной едой большинства был хлеб. На него уходило до 80 % семейного бюджета. Хлеб был так важен для здоровья нации, что существовали строгие законы относительно его качества. Если пекарня нарушала их и обманывала покупателей, наказание было жестким: штраф в 10 фунтов за каждую некондиционную буханку или месяц в каторжной тюрьме.

В современной Британии продавцов любой некачественной еды тоже наказывают по полной программе, независимо от их материального или социального статуса. Это и есть главный секрет свежести британских продуктов. Поскорее бы и мы пережили наши «викторианские» времена и пришли к такой системе, когда государство защищает здоровье своих граждан.

Старомодная бакалея Русскую кашу Западу еще предстоит распробовать

Мне захотелось гречневой каши, какую давным-давно готовила бабушка. Она снимала кастрюлю с плиты, обматывала ее газетами и старым пуховым платком и забывала про нее на несколько часов. Потомившись под этими одежками, гречка делалась такой же нежной, пушистой и легкой, как бабушкин платок. И при этом оставалась теплой – даже когда я заливала ее холодным молоком.

Допустим, приготовить я смогу. Вопрос – где добыть гречку? В английских супермаркетах продаются крупы всего мира со странными названиями: булгур, киноа, амарант. Но гречневой крупы нет, не едят ее англичане. Ехать в русский магазин в центр Лондона мне не хотелось. Вместо этого я включила компьютер, потратила полчаса на поиски и через несколько дней мой интернет-заказ материализовался в посылку корнуолльской агрофирмы, торгующей редкими крупами.

– Странная тут у вас гречка, – сказала я мужу, разглядывая пакет с ярлыком «Старомодная бакалея». Гречневые ядрышки были не коричневыми, а светлыми, местами даже зеленоватыми. – Наверное, ее прокалить надо.

Новый вопрос – как? Я снова села за компьютер и нашла форум, где общались так и ежеозадаченные, срочно захотевшие гречневой каши, люди. У них в Южной Корее, Австралии, Западной Европе и даже в загадочном месте под названием «Африка и везде» тоже оказалась неправильная гречка.

«Вот, купила я ее, выложила на сковородку тонким слоем, обжарила до знакомого с детства цвета. Правда, она все равно не пахла „по-гречневому“». Стала варить, а вышла какая-то мерзкая жижа», – написала «корейка».

«Лучше всего прокалывать в духовке, – ответил ей господин из „Африки и везде“. – Каждые пять минут встряхивать или перемешивать».

Я сразу включила духовку.

«А это точно гречка?» – засомневались в России.

«Точно, – вздохнули в Австралии. – У нас такая же, хотя и нормальную найти можно. Честно говоря, я и в духовке прокаливала, но все равно не получается. Тут вообще ее для корма домашней птицы используют. Сестра знакомого закупается где-то за городом в сельхозмагазине, а потом потрясает друзей экзотическим русским блюдом».

«В России ее паром под давлением обрабатывают, в домашних условиях это сделать проблематично», – окончательно расстроила всех москвичка. Но я все равно подошла к духовке и встряхнула крупу.

«Не свистите, – возразил москвичке господин из „Африки и везде“. Ему раньше удавалось покупать правильную гречку в Америке, в магазинчике у одной польской еврейки. – Нормально каша сварится и будет рассыпчатой – это миллионы раз доказали общепитовские повара СССР».

Хорошо, что я духовку все-таки не выключила.

А еще он добавил для убедительности: «В Москве я дважды женился и дважды разво-дился, прожил немало лет. Ни фи́га москвички готовить не умеют. Мужики – да... бывает».

Его оппонентка тотчас парировала: «У москвичек нет проблем с зеленой гречкой. Они покупают правильную. Если желаете подискутировать про прописку – вот вам еще один хинт. Все москвички страшные, ага!»

– Ты тоже считаешь, что москвички не умеют готовить? – спроси лая мужа.

– Почему? – удивился он, подозревая подвох. – Англичанки разучились готовить. Но вы к этому скоро придете.

Последнюю фразу я слышала не раз: на западе русских считают старомодными, живущими в традициях, которые здесь – благодаря либеральной политике, растущему числу работающих матерей и микроволновым обедам – дышат на ладан. Традиционная семья больше не считается основой общества, и жена, с накрытым столом ожидающая мужа, начинает казаться анахронизмом. Сохранившиеся экземпляры в основном принадлежат к старшему поколению или к экстравагантным ретро-клубам, где пары прячутся от XXI века: по их мнению, в старые времена жизнь, особенно семейная, была правильнее.

По телевизору только что показывали троих так их домохозяек, застрявших в 30-х, 40-х и 50-х годах. Мало того, что они одеты и причесаны каждая – по моде «своего» десятилетия, их дома обставлены мебелью той эпохи. Они предпочитают покупать продукты на рынке или в маленьких магазинчиках и готовят их на своих ретро-плитах, в ретро-кастрюлях. Коллеги подшучивают над их мужьями, которые приносят на работу домашние пирожки или сэндвичи с самодельным джемом (а я думаю, что скорее всего – завидуют. Ведь самим приходится довольствоваться фастфудом).

– Что значит – мы к этому скоро придем? Да мы там, где вы сейчас оказались, уже побывали! Обязательно найду статистику и покажу тебе.

– Какую статистику?

– Что сегодня наши женщины уделяют семье больше времени, чем когда-то, в советское время – их матери.

И я рассказываю мужу про детство, свое и школьной подруги. Нас обеих увезли от бабушек, когда родители купили кооперативы на окраине Москвы. Все время после школы и до возвращения родителей с работы мы проводили одни – пионерки с цыпками, недолеченными ларингитами и ключами на шеях.

Наигравшись, кое-как сделав уроки, дружно делили обеды, оставленные для нас в термосах. Если обед не нравился, что случалось часто, мы спускали его в унитаз. Грешно было нас ругать. В моем термосе, например, чаще всего плавала переваренная капуста с ошметками свинины и сгустками картошки – хотя папа называл свое творение суточными щами, «сутки» эти длились по три-четыре дня. А наши измученные матери возвращались со своих ответственных работ позже отцов.

– Хорошо, хорошо. Это мы от вас отстали... Так... – муж осторожно приподнял крышку, подмахнул теплый пар к лицу и втянул его носом. Моя разопревшая гречка дымилась, рассыпавшись зернышко к зернышку.

Он загреб немного кончиком ложки, осторожно пожевал, закатив глаза.

– С тушеным мясом и подливкой будет шикарно, – вмешалась я в эту сосредоточенную дегустиацию.

– Мне нравится, – наконец прозвучал приговор. – Хотя... надо привыкать, – муж закрыл кастрюльку, и гречневая каша успела последний раз дохнуть в него, тепло усмехнувшись беззубым ртом: что ж, привыкай, дружок, не все тебе овсянкой питаться.

«От синдрома миссис Мортимер» – к полной политкорректности

Ужасный, ужасный мир миссис Мортимер Является ли сильное предубеждение к Джонни Иностранцу сугубо островным феноменом?

«Самые негодные народы Европы» – так называется вновь опубликованный «вредный» туристический путеводитель середины XIX века, принадлежащий перу писательницы Фавелл Ли Мортимер. Он заставляет англичан не только смеяться, но и задавать себе неудобные вопросы.

Она невысоко ставила турок, хотя бандиты-испанцы для нее были не лучше. Так же, как португальцы. Мексиканцы вообще ниже всякой критики, а уж египтяне... Шотландцы оказались грязнулями, ирландцы не зашивали дыры на одежде. Русские были элементарно неопрятны – впрочем, это не мешало волкам ежедневно грызть их. Шведы не могли создать своими руками ни одной нормальной вещи, персы жульничали и завышали цены, грузины много пили. Обитатели Мехико сами не любили работать и детей растили бездельниками. А увлеченный азартными играми Сан-Франциско можно было назвать одним из самых порочных городов на свете. Так же, как Рим. Но в Риме причина другая – католические священники.

Корни мирового зла – лень, алкоголь, опиум, ислам, католицизм, православие, буддизм или еще какое-нибудь идолопоклонство. Так считала миссис Фавелл Ли Мортимер, сочинявшая свои совершенно неполиткорректные книжки в середине XIX века. Ее туристические справочники, вызывающие сегодня оторопь и смех, писались с целью предупредить путешествующую британскую молодежь об опасностях, поджидающих за пределами благословенного родного острова. Никто не вспомнил бы о советах давно умершей англичанки, если б неамериканский издатель Тодд Прузан, который в букинистическом магазине наткнулся на пыльный том «Описаний европейских стран».

«Самые негодные народы Европы, или Вредный путеводитель миссис Мортимер по викторианскому миру» – под таким названием этнографические изыскания этой леди были изданы в 2005 году. Книга сразу стала сенсацией. Ее называли диктаторской, полной предубеждений, восхитительно невежественной и до невероятности забавной. Неудивительно, что очередное издание «Самых негодных народов», вышедшее в британском издательстве Random House Books, вызвало свежую волну саморефлексии среди соотечественников миссис Мортимер.

Негодные народы

Кем была эта строгая женщина и как сформировались ее необычные, мягко говоря, взгляды? Миссис Мортимер родилась в 1802 году в банкирской семье, в 39 лет вышла замуж – но так неудачно, что в течение всех девяти лет брака, до самой смерти супруга, проводила больше времени у родственников, чем дома.

Судя по сохранившимся воспоминаниям, этой викторианской леди была противна сама идея разнообразия мира. Она не могла понять, почему ее попугай никогда не спал, как люди, и брала птицу в свою постель, насильно укладывая ее на спину.

Несчастный попугай вскоре умер – оттого, что его купали с мылом и сушили над очагом. Она приучала к чистоплотности также своих ослика и барашка, бросая их плавать в морских волнах. Первого спасли рыбаки. Второй выбрался сам – чтобы быть тотчас закопанным по уши в прибрежный песок, для обсушки.

Истовая протестантка, миссис Мортимер начала свою писательскую карьеру с назидательных детских книжек: «Бог покрыл твои косточки плотью, которая мягка и тепла. Бог обернул твою кровь и плоть в кожу, как в пальто... Какое прекрасное тело Он тебе дал! Надеюсь, ты не повредишь его... Могут ли твои косточки сломаться? – Конечно, если ты упадешь с большой высоты или если тебя переедет карета. Если ты свалишься в огонь, ты вдобавок обожжешься. А если твое тельце будет проткнуто длинным ножом...» и т. д. Сегодня ее произведения для детей называют образцом садизма, и не без оснований.

Но в свое время миссис Мортимер была одним из самых востребованных детских авторов. По ее иллюстрированному букварю «Чтение без слезок» учился читать Уинстон Черчилль («В моем случае название себя не оправдало», – вздохнул он потом в мемуарах).

В полную силу ядовитое перо миссис Мортимер проявилось в ее книгах, посвященных путешествиям. В 1849–1854 годах, когда один за другим выходили все ее три тома путешествий, мир – от Европы до Южной Африки, от Мексики и до Цейлона – сотрясали революции или войны, но эти события почти не отражены в записках.

Рассказавшая британским читателям буквально о каждой стране мира и ее непутевых обитателях писательница тихо скончалась в своем норфолкском доме в возрасте семидесяти шести лет. Ошибкой было бы думать, что после нее осталась коллекция привезенных из дальних странствий сувениров. За свою жизнь миссис Мортимер не покидала пределов родной Англии: если не считать поездок с семьей в Брюссель и Париж в годы отрочества и короткого визита в Эдинбург.

Все ее рассказы о диких племенах Амазонии, о странных японских обычаях, о полных уголовников улицах Сиднея и губительном климате арабских стран почерпнуты из других источников. Что эти книги показывают правдивее – окружающий мир или состояние викторианских умов?

Путеводитель был создан в эпоху, когда Великобритания находилась в зените своей имперской славы и ее жители искренне считали иностранцев беднягами, которым не повезло родиться британцами. Но в путеводителе миссис Мортимер находится мало места сочувствию и много – снисходительному любопытству к глупым инородным обычаям. Все это подкреплено сомнительными историями и анекдотами.

Португальцы в ее книге – «самые нескладные и ленивые в Европе, почти как испанцы». Жители Уэльса «не слишком опрятны», греки – «не умеют с достоинством переносить трудности – вопят, как малые дети». Армяне «живут в норах, чтобы их не нашли курды, самый свирепый в Азии народ».

Добравшись до Китая, писательница признает, что это цивилизованная страна, потому что ее жители дисциплинированы, деловиты и умны. Китайцы изобрели порох, компас и книгопечатание, «но мы в Европе тоже изобрели их – без посторонней помощи». И что за религия в Китае? «Даосизм, он делает людей сумасшедшими, буддизм заставляет вести себя по-идиотски – не думать ни о чем; конфуцианство учит быть мудрыми, но бездушными».

Описывая национальный характер, миссис Мортимер замечает, что китайцы «только притворяются кроткими, а на самом деле считают иностранцев чертями и некрасивыми обезьянами». Вдобавок они самолюбивы, бесчувственны – спокойно проходят мимо умирающих от голода нищих.

Наблюдения писательницы сегодня можно назвать откровенным расизмом. «Что за убогая раса, – говорит она про южноафриканских готтентотов, – у них волосы, как шерсть, маленький рост, бегающие глазки, плоские носы, толстые губы и желтая кожа, а речь – как

кулдыканье индюка». Изредка выражая сочувствие к поработленным народам, миссис Мортимер призывает британских миссионеров скорее обращать их в свою веру, «а то католики уже действуют». Католическая вера, по убеждению писательницы, хотя и «является ветвью христианства, но плохой».

Если уж миссис Мортимер не церемонится с братьями по вере, что говорить о мусульманах? «В Аравии три главных зла – нехватка воды, саранча и песчаный ветер, но самое главное зло – магометанская религия». Афганские мужчины у нее «жуткого вида существа – высокие, темные, косматые и жестокие; мясницкий нож на поясе, за плечом – ружье». Турки – «такие важные, что кажутся мудрыми. Но могут ли бездельники, которые все время сидят со своими опиумом и кофе, быть мудрыми?»

Египтяне – ханжи, никогда не говорят правду. А их соседи, иерусалимские евреи, больны и бедны, – несмотря на помощь, которую им посылают родственники из Европы. «Пока они не покаются в своих грехах перед Господом, Святая Земля не будет мирной и урожайной».

Европейские евреи в интерпретации миссис Мортимер тоже не всегда производят приятное впечатление: крайне грязны и назойливы. В Польше, где их особенно много, местное население смотрит на них свысока. Хотя без них там не было бы торговли – потому что сами поляки разделяются только на знать, которая считает работу ниже своего достоинства, и бедноту. Те и другие называют себя «гордыми» и «говорят громко, почти кричат».

Исландцы скучны, но хотя бы порядочны, вот только «запах рыбы в их церквушках доведет вас до рвоты». Миссис Мортимер хвалит работающих германцев. Правда, ей не нравится, что германские женщины вместо полезных книжек читают всякую ерунду про людей, «которые никогда и не жили. Лучше уж вовсе ничего не читать».

«Приятная ли страна Россия? – спрашивает миссис Мортимер читателей. – Сейчас вы сами решите»... На дорогах там людей меньше, чем диких зверей, и волки запросто хватают гуляющих в лесу детей. Русские женщины одеваются некрасиво: их одежда висит, скрывая талию, а меховые сапоги делают ноги толстыми, как у слона.

Любимый напиток русских – «kwas» – не вреден, но вам он совершенно не понравится. Зато в каждом доме найдется чай, прямо как в Англии. Если бы русские не пили ничего, кроме чая и кваса... К сожалению, они любят бренди и потребляют его в огромных количествах, даже дают младенцам.

Простые люди живут в убогих постройках из положенных друг на друга деревьев, с маленькими окошками, часто без стекол – с одними деревянными ставнями. В центре стоит большая печь, которая наполняет все помещения дымом.

У богачей – дома с просторными комнатами, но там царит беспорядок. На стенах вместо обоев побелка, и у господ нет колокольчиков. Слуги спят в коридорах прямо на полу или в гостиных на диванных подушках. Их хозяйева больше всего на свете любят принимать гостей. Когда к дому подъезжают сани, сразу готовятся разные угощения. Радостный шум и пение продолжают до утра.

Детям богачей дана большая свобода, и они растут невеждами. Мальчики не хотят учить латынь и греческий, глупо полагая, что нет смысла запоминать мертвые языки. Русские обожают музыку и танцы, их дети способны к ним, но пение и пляски пока никого не сделали умнее.

Царь поступает, как ему захочется. Он наказывает подданных, даже не объясняя, за что. Само слово «Сибирь» заставит вас дрожать, потому что напоминает о холоде. Но русские, услышав его, трепещут по другой причине: царь ссылает в Сибирь неугодных. Например, извозчиков отправляют туда в наказание за наезд. В результате русские извозчики очень осторожны, и пешеходы этим злоупотребляют. Вместо того чтоб уступить дорогу, смеются им в лицо: «В Сибирь захотел?»

Русские уважительно относятся к своим священникам: целуют им руки вместо того, чтобы просто пожать. Но в глубине души не уважают своих пастырей – слишком много пьяниц среди священников.

В Страстную пятницу толпы устремляются в церкви, чтобы прикладываться к ранам нарисованного Спасителя и плакать и молиться перед ним. Ну не глупо ли поклоняться картинам? В Воскресение люди обмениваются пасхальными яйцами и целуются, а потом много едят и пьют. Бывает, что к вечеру на улице не встретишь ни одного трезвого. Возможно, вы думаете, что жители этой страны – католики. Ничего подобного, у них греческая вера. Трудно сказать, чья религия хуже – эта или римская...

«Санкт-Петербург – величественный город, но Москва приятнее. В Москве развлечения на каждом шагу». Далее миссис Мортимер рассказывает про целиком замороженные туши и тушки – коров, телят, зайцев, – которые стоят, словно живые, на рынке Санкт-Петербурга; и сообщает, что зимой людям приходится очень быстро бегать по улицам, чтобы избежать подобной же участи.

«Городскую бедноту зовут черным людом, потому что эти люди грязны. Вы удивитесь – они моются раз в неделю, по субботам: лежат на скамейках в своих раскаленных банях, а их хлещут березовыми вениками и обливают холодной водой. Они думают, что это очень хорошо, и не могут быть счастливыми без бани...

Наверное, вы уже представили себе национальный характер. Богатые русские несправедливы, часто не отдают долги, любят объедаться и веселиться, мало заботятся о своих несчастных слугах или соседях. Бедные ведут себя смиренно, но они хитры, непорядочны, бездеятельны, много пьют... Большинству русских нельзя доверять».

Подведя такой безапелляционный итог, миссис Мортимер все-таки оставила загадочной русской душе шанс: «Хотя я слышала об одном порядочном слуге. Госпожа велела ему отнести большую сумму ее дочери, но мужчина пришел со слезами: „Я потерял деньги. Простите!“ Через шесть лет он вернулся и положил к ногам женщины всю сумму. Та попросила забрать деньги обратно – он отказался. Тогда добрая госпожа внесла их в банк на имя детей этого бедняка».

Дешевые авиабилеты против предрассудков

«Они смеются над обычаями, которые непохожи на их собственные; потому что уверены, что делают все лучше других, а остальные народы – дураки»... Нет, это не краткий миг озарения. Это миссис Мортимер попинала очередную жертву – южноафриканскую народность, живущую на берегах Лимпопо. Но получилось, что написала эпитафию самой себе.

По крайней мере, одну нацию она знала не понаслышке. «Что за характер у англичан? Они не слишком приятны в компании, потому что не любят чужаков... Больше всего они любят сидеть дома, и это правильно. Они боятся быть обманутыми, поэтому весьма благоразумны и верят только тем, кого давно знают... Их холодные манеры не мешают им творить добрые дела, но они слишком любят деньги наряду с хорошей едой и выпивкой. Они слишком часто хандрят и жалуются, что не очень богаты, и ругают правителей. Тем не менее англичане – самые счастливые в мире люди, потому что нет другой страны, где так много Библий».

Во всех странах были шовинисты, но такое сильное предубеждение к Джонни Иностранцу кажется сугубо островным феноменом. «Изменились ли мы с тех пор?» – спрашивают современные британцы, читатели «Вредного путеводителя», и не находят однозначного ответа. Они предпочитают проводить отпуска за границей – авиабилеты теперь недороги, поэтому их мир намного больше и многообразнее того, что миссис Мортимер придумала за письменным столиком своей гостиной.

Но стереотипы живучи: среднестатистический малообразованный англичанин по-прежнему говорит, что от всех французов разит чесноком, что немцы не понимают шуток, что русские пьют одну водку (в свободное от шпионажа или отмывания денег время). Для выходцев из Индостана у него найдется сказанное за глаза «паки», для китайца – «чинки». Даже оказавшись за границей, такой негиббемый бритт откажется от местной кухни. Он будет посещать только английские заведения, где звучат знакомые мелодии и где ему подадут не менее знакомые «фиш энд чипс» или воскресный обед с жарким.

Синдром миссис Мортимер подпитывается телевидением. Недавно новый фильм о Восточной Европе известного путешественника Майкла Палина вызвал справедливый гнев словацкой диаспоры и даже официальную жалобу со стороны посольства этой страны. Словакам не понравилось, что вместо многообразия культурной жизни их родины Палин показал один-единственный эпизод – умерщвление хряка в захолустной деревне. А мне кажется, что некоторые британские телеканалы необъективно представляют Россию, выбирая те сюжеты, где лица попьаннее и дома погрязнее.

С другой стороны, кто безгрешен? Смеясь над этнографическими пассажами миссис Мортимер, ловишь себя на мысли, что нечто подобное – безобразное, неприличное, невысказанное, но до ужаса знакомое – бежит и на задворках твоего сознания.

«Неважно, кто вы – где-то на свете кто-то совершенно незнакомый уже приготовил для вас обидное имя», – говорится в статье журнала *Colors*, посвященной этническим оскорблениям. Для белых южноафриканцев черный является «каффином», или дикарем. Самих белых на Гаити обзывают *sasa jumi* (желтыми какашками), а в черной Америке – синеглазыми дьяволами. В Германии африканцев называют *Dachrappe*, что означает толь, а выходцев из Средиземноморья – *Knoblauchfresser* (любители чеснока); вьетнамцев в Камбодже – *уоп*, дикарь. Айнов в Японии – *keto* (волосатые белые варвары), тибетцев в Непале – *bhotia* (деревенщины). Индонезийцы называют китайцев *babisipit*, узкоглазыми свиньями. Жители Новой Гвинеи меланезийцев – *bilong sospan*, что переводится как «задницы – горелые сковородки». Этот словарь дружбы народов может быть также обогащен десятком русскоязычных эпитетов, самый ласковый среди которых – *hohol*.

Но не все потеряно для человечества. То, что книжка миссис Мортимер вызывает оторопь, – хороший знак. В конце концов, как пишет ее редактор Тодд Прузан, с момента первого опубликования «Вредного путеводителя», так же как и другой книги, «Происхождения видов» Дарвина, – прошло всего полтора века. Для любой эволюции требуется время.

Под небом голубым был город золотой Культурный шок от византийской выставки

Если бы выставка «Byzantium 330-1453» проходила в России, посетители вставали бы перед некоторыми экспонатами на колени. Англичане же просто молча толпятся возле них. По их сосредоточенным лицам можно судить, что преодоление вековых барьеров между христианским Западом и Востоком вполне возможно, хотя дается нелегко.

Византийская империя существовала более тысячи лет, но что осталось от нее в сознании западного европейца? Вольтер называл ее «бессмысленным повтором декламаций и чудес, позором для человеческого ума». В Великобритании тоже господствовало довольно превратное мнение об этой великой цивилизации.

Виной тому был знаменитый шеститомник Эдварда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», на котором воспитывались многие поколения. Гиббон описывал Византию, как «триумф варварства и религии», как «темное время» для культуры и искусства. Хотя его классический труд был создан почти двести пятьдесят лет назад, Византия

до сих пор представляется многим британцам мрачной империей, без следа растаявшей в воздухе.

Даже туристические поездки в бывший Константинополь, ныне Стамбул, не помогают им увидеть иных доказательств былого византийского величия, кроме храма Святой Софии. Поэтому нетрудно понять изумление британских туристов, когда Византийская империя – полная блеска благодаря собранным со всего света богатствам – сама пожаловала к ним в гости.

Желающих восполнить пробелы в собственном образовании оказалось очень много. Королевская Академия искусств с трудом справлялась с потоком посетителей и рекомендовала предварительно бронировать билеты. Также были полностью распроданы места на вечерние лекции, посвященные литургической музыке, трехполуму обществу Византии (мужчины, женщины, евнухи) и влиянию византийской архитектуры на европейскую.

За те несколько месяцев, что длилась выставка, любой ее посетитель мог почувствовать, каково это было – жить в Константинополе. Одновременно ему приходилось переживать неожиданный исторический факт: оказывается, эпоха Средневековья была темным временем именно для Западной Европы, а не для Византии, где процветали наука и ремесла.

Византийское искусство, тесно связанное с древнегреческим и древнеримским, обладало удивительной способностью впитывать искусство соседних народов, и почти 300 экспонатов выставки – манускрипты, иконы, мозаика, ювелирные, бытовые изделия, впервые собранные вместе после падения Константинополя, продемонстрировали отнюдь не упадок, а до сих пор живые мысль и красоту.

Главный организатор этого чуда, Робин Кормэк, сам не понимал, как подобные сокровища были одолжены Академии: «Возьмите коллекцию из монастыря Святой Екатерины на Синае – ведь это сама Византия, заново открывшаяся миру лишь в прошлом веке. Их иконы настолько уникальны, настолько прекрасны! Что за невероятная щедрость со стороны монахов».

Иконы, спасенные исламом

Монастырь св. Екатерины так удален от остального мира, что даже в наши дни добраться туда непросто (говорят, поездка занимает три часа из ближайшего аэропорта, или шесть часов через пустыню из Каира). И это единственное место на земле, где византийство является не историей, а реальностью, где древние предметы по-прежнему выполняют функции, для которых они были созданы во времена империи.

Именно изоляция помогла монастырю сохранить свои сокровища. Тысячи икон были уничтожены в самой Византии во время борьбы с идолопоклонством, но Синай тогда находился под защитой ислама и его законов о сохранении любых реликвий. К тому же, Магомет дал повеление своим полководцам не нарушать тихую жизнь пустынников.

Синайские монахи странно смотрелись в своих черных одеяниях в стенах Королевской Академии. «Мы очень хотели, чтобы наши иконы вышли в мир», – говорил монастырский библиотекарь отец Юстин. Поездка их долго находилась под вопросом. Пять шедевров XII и XIII веков, среди которых есть изображения Святого Георгия и молодого, еще безбородого Моисея, были привезены монахами в Лондон, когда выставка уже открылась. Монастырь св. Екатерины впервые выпустил эти святыни из своих стен, и разрешение министра культуры Египта было получено в последний момент.

Устроители приняли все меры, чтобы привезенные иконы не пострадали: они были размещены в стеклянных боксах, имитирующих иссушающий воздух пустыни. К сожалению, Синайский монастырь так и не смог отправить в Великобританию древнейшие в мире иконы с изображениями Христа и Богородицы, потому что они могли разрушиться в пути.

Зато в Лондоне монахи впервые увидели две другие реликвии, прежде принадлежавшие их монастырю.

Иконы VII века, тоже одни из древнейших в мире, прибыли из Киева, куда 150 лет назад их привез вернувшийся с Синая русский священник. Никаких записей в монастырских архивах о его визите не сохранилось, и теперь синайские монахи осторожно сомневаются, как такие бесценные подарки вообще были возможны. Вопрос остается открытым.

Экспонаты этой выставки вообще имеют запутанную историю, ведь за века они успели пересечь многие границы, побывав в руках крестоносцев и других завоевателей-грабителей. Поэтому сегодня музеи с опаской одалживают свои сокровища – вдруг кто начнет предъявлять на них права?

Королевская Академия искусств приложила немало усилий, чтобы уговорить всех 85 лендеров из Израиля, Италии, США, Сербии, России, Украины, других стран. «Это была монументальная задача – объединить подобное богатство под одной крышей, – признались организаторы. – „Византия“ оказалась самой сложной выставкой последних лет».

И, судя по всему, она запомнится как единственная в своем роде. Некоторые страны уже объявили, что больше не станут рисковать своими коллекциями. Например, итальянцы последний раз одалживали украшенную перегородчатой золотой эмалью и драгоценными камнями икону Архангела Михаила, а также невероятной красоты серебряный сосуд для благовоний в форме православного собора с куполами.

Колыбель православия

Каждый входящий на выставку первым делом поднимал голову к гигантскому многоярусному светильнику, который когда-то был прикреплен к куполу византийской церкви. Сколько свечей должно в нем гореть? – Наверное, не одна сотня. Для византийцев он символизировал свет, исходящий от Христа.

Константинопольские храмы потрясали своим богатством и позолотой. Вообще, золото было в Византии повсюду. Мужчины и женщины носили его на запястьях, шее, даже на теле – в виде цепей, соединенных на груди тяжелыми пряжками. Но это мы видим только золото, разглядывая их ювелирные украшения. А они видели божественный свет, который и являлся смыслом византийской культуры.

Сказочным было богатство императорского дворца. О таланте украшавших его мастеров можно судить по переносной лампе в виде чаши. Обнаруженная в 1911 году, она была принята археологами за Святой Грааль. А еще в экспозиции предметов придворной жизни мне запомнились удивительно реалистичный триптих из слоновой кости и фигурка Божьей Матери в гроте из горного хрусталя. И мозаики, совсем не похожие на таковые, – из столь мелких деталей они сложены.

Это всего лишь отголоски роскоши, о которой свидетельствовал западный посол, побывавший при дворе Константина VII: «Перед императорским тронном стояло дерево из позолоченной бронзы, на ветвях которого сидели золотые птицы, поющие на разные голоса, в зависимости от вида каждой. А сам трон был так необыкновенно устроен, что в один момент казался низким, а в другой – высоко поднявшимся в воздух. Охраняли его позолоченные львы, сделанные то ли из бронзы, то ли из дерева. Они стучали своими хвостами и страшно рычали, широко раскрывая пасти... Я трижды падал ниц перед императором, и лицо мое касалось пола».

Хотя Константинополь был прекрасным городом с орошаемыми парками, выложенными мозаикой площадями и высокими колоннадами, большинство его жителей ютились в крошечных квартирках разноэтажных зданий. Загородные дома тоже отличались скромно-

стью, и лишь богачи могли позволить себе особняки с расписными стенами, хорошей мебелью и серебряную посуду, украшенную христианскими или языческими символами.

По-настоящему близко увидеть византийцев мне помогли самые простые мелочи, согретые домашним теплом. Они находились в зале, посвященном быту. Я долго дождалась своей очереди, чтобы посмотреть на детскую кофточку с капюшоном и зашитыми на концах рукавами, а потом – на керамику и ложки, оформленные с почти современной дизайнерской выдумкой. Бог мой, эти византийцы не только страстно молились в своих храмах и устраивали крестные ходы на Пасху. Они были живыми людьми!

Пища для размышлений

Ни одна крупная британская газета не оставила выставку без внимания. Обозреватели не скрывали, что сами переполнены впечатлениями, и предсказывали скорое изменение представлений англичан не только об этой древней стране, но и о современном мире. Ведь в ареале византийской культуры оказались русские, сербы, украинцы, грузины и многие другие христианские народы – от Армении до Западной Европы.

Известно, что византийские мастера-новаторы работали на юге Италии, на острове Торчелло, Сицилии и в Венеции (где они заложили основы знаменитого венецианского стиля). Некоторые исследователи утверждают, что именно Византия оплодотворила итальянский Ренессанс, со всеми вытекающими из этого приятными последствиями для Европы. Получается, свет пришел с «темного» Востока?

«Не надо преувеличивать эпизод взаимного обогащения культур», – сразу забеспокоились британские историки. Но почему-то снова и снова они возвращаются к этому неудобному вопросу, который может разрушить утвердившийся во многих головах культурный приоритет «римского» Запада над «греческим» Востоком.

Полная ПОПОлиткорректность «Запрещенные лексиконы» меняют английский язык

Аббревиатура ПОПО, обозначавшая правительственную программу предотвращения уголовных преступлений, звучала нормально по-английски, но вдруг обнаружилось, что в Турции так называют пятую точку тела. И хотя турецкие матери употребляют безобидное слово по отношению к своим младенцам, пришлось заменить его на ППО – чтобы никто из живущих в Великобритании 200 тысяч турок не обиделся.

И слову «проститутка» теперь не место в официальных документах, вместо него следует писать «особа» – так говорилось в инструкции, выпущенной перед самой отставкой Тони Блэра. Годы его премьерства были отмечены расцветом политкорректности, о которой британцы вспоминают каждый день – кто с откровенным раздражением, кто с опаской.

Одну женщину чуть не задавила машина. Когда она в волнении описывала приметы скрывшейся автомобилистки полицейским, те отчитали ее за слово «толстая». «Ну не могу я подобрать другого слова», – оправдывалась она, чувствуя, как сама превращается в преступницу.

Попросила бы совета – у многих полицейских имеется справочник с альтернативными словами и фразами. Вместо «азиат» надо говорить «пакистанец», «индеец»; вместо «небелый», «цветной» – «представитель национального меньшинства», вместо «диабетики» – «люди с диабетом». Настоятельно советуют избегать слов «полукровка» или «женщина-судья». Интересно, а им какую замену подобрать?

Запрещенные лексиконы есть не только у полиции. Знакомая рассказала мне, как в детском саду ее дочка учила старый стишок про овечку. Овечка, которая всегда была черной, вдруг стала радужной.

Рекрутинговые агентства стараются не употреблять слова «динамичный», «энергичный», «быстрообучаемый», «молодой», а также не упоминать суперсовременные бизнес-или медиа-квалификации – чтобы не огорчать соискателей зрелого возраста.

В этой угадывке требуется постоянная самоцензура, потому что больше нельзя называть вещи своими именами. В стране, где веками жили по Великой хартии вольностей и Биллю о правах, уважая свободу самовыражения, но руководствуясь при этом здравым смыслом, – и вдруг такое наваждение. Игра в слова подобна прогулке по заминированному полю: политкорректность сама становится карающей силой, когда речь идет о нарушителях.

Года три назад страна прощалась с Бернардом Мэннингом: ожирение и диабет доконали знаменитого комика, хотя с экранов он исчез намного раньше, потому что его шутки стали казаться обидными. («Когда 50 лет назад толпа белых гналась за одним черным, это называлось Ку-клукс-клан. Теперь это называется U.S. Open» – такое не могло звучать в эфире.) На смену Мэннингу и прочим расистам пришли правильные юмористы, но с ними скучно.

«Политкорректность разрушила британский юмор, – сказал, вспоминая комика, режиссер Майкл Виннер, которого Мэннинг называл „самым противным евреем в Европе“. – Неужели эти лунатики не понимают, что в реальном мире люди говорят на другом, совсем не политкорректном языке? В наши дни у Шекспира не было бы шансов опубликовать своего „Отелло“. Ведь в трагедии подразумевается, что черные военнослужащие убивают своих жен».

Щепетильность приносит плоды: суды завалены делами о сексуальной, расовой, религиозной, возрастной и прочей дискриминации. Народ учится «качать права».

Как говорится в книге «Все мы – жертвы» Дэвида Грина, 73 % населения могут быть причислены к «обиженным». Это все женщины, а также мужчины, относящиеся к национальным меньшинствам, инвалиды, пенсионеры, геи. Можно самостоятельно попытаться найти в себе подходящее качество (рыжие волосы, например). Считаться оскорбленным выгодно.

Но большинству черного населения плевать на черного барашка. Так же, как мусульманам и индусам непонятно, почему им в угоду Рождество вдруг назвали зимним фестивалем.

По телевизору показывали эксперимент – молодой журналист с двумя приятелями проверял, как публика отреагирует на них: инвалида-колясочника, белокожего англичанина без особых примет и пакистанца в традиционной одежде. Поодиночке они создавали похожие ситуации, ища содействия у сограждан. На улице больше внимания досталось колясочнику, что объяснимо чисто по-человечески. Ему и автомобиль помогли починить, и без очереди пропустили, и денег на поезд дали.

При общении с властями проблемы возникли у среднестатистического англичанина. В муниципалитете Брайтона он попросил разрешения прийти на городской праздник с собственным флагом. «А что символизирует ваш флаг?» – спросили его. «Традиционные ценности – Англию, христианство, семью». «Нет, вы можете обидеть представителей других религий, а также геев».

В супермаркете и ресторане лучше всех было мусульманину, хотя он извел обслуживающий персонал требованиями найти цыпленка, умерщвленного по особым правилам. Но когда дело дошло до поиска работы, самым успешным оказался «традиционный» англичанин.

Получается, что, если люди не боятся быть наказанными за политическую некорректность, они о ней и не вспоминают. «Все более или менее справедливо», – подвел итоги автор эксперимента. Он, кстати, был мусульманином.

Сама идея всеобщей любви и равных прав замечательна. Почему же она превращается в свою противоположность – очередное наказание инакомыслящих? На тех, кто привык называть вещи своими именами, – а это независимо от национальности все-таки здравомыслящее большинство – политические корректоры навешивают псевдопсихиатрические ярлыки с «измами» и «фобией», словно речь идет о клинической патологии.

Как всегда, первопричину ищут в коммунистических идеях. Якобы в свое время марксисты, поняв, что консервативные по природе западные европейцы и американцы не пойдут кровавым путем русской революции, решили сначала изменить самих людей, а вопрос государственной власти оставить на потом.

Группа этих мыслителей, известных под названием «Франкфуртская школа», эмигрировала в США. Они добились большого влияния в американских университетах, посеяв там первые зерна политической корректности. Почти все идеи радикальных феминисток и школьных реформаторов, противников семьи, а также преподавания традиционных литературы и истории, приверженцев раннего сексуального образования и придания полных прав гомосексуальным бракам проросли из этих зерен.

Если это правда, то политическую корректность можно считать одной из самых успешно внедренных в современной истории идей. Тем более что те, кто попал под ее влияние, даже не подозревают об истоках.

Вавилондон

Британцы перестают узнавать свою страну

Мы сидим в пабе за большим столом и ждем, когда официантка-чешка принесет заказ. Приятели мужа только что вспоминали детство: все они выросли в одном и том же суровом рабочем районе, где не только иностранца, любого чужака не торопились привечать. И теперь они волнуются, что иммигрантская волна накрыла Британию. Из-за нее их родной городок стал неузнаваемым, как будто на карте появилась другая страна.

Вместо цветущих палисадников – пыльные квадраты земли, из типично английских домиков выходят замотанные в темное женщины или старцы, словно перенесенные сюда с восточных базаров. К уда подевались прежние жители?

Лет сорок назад мужчины из теплых, но очень бедных стран были приглашены в Великобританию на тяжелую и низкооплачиваемую работу. Экономика от этого вроде бы выиграла. Кто ж знал, что за ними потянется нескончаемая цепочка родственников, знакомых, родственников знакомых.

Под местные обычаи приезжие подлаживаться не стремятся. Одна экзотическая леди, говорят мне, так невзлюбила предоставленный ей дом, что поселилась в хижине.

– В какой еще хижине? – я сначала улыбаюсь, но потом замечаю серьезные лица собеседников.

– Глиняной, соорудила прямо в саду...

Неудивительно, что англичане бегут от подобного соседства – в уголки, пока не затронутые переменами, или за границу. Оставшиеся тоже подумывают о переезде.

– Кто заказывал бифштекс с кровью? – это официантка при несла еду.

Никто не заказывал.

– Я, видимо, не поняла, – смущенная чешка уносит бифштекс обратно. Ох, нелегко дается преодоление языкового барьера.

– Восточноевропейцы еще добавились, – сразу вспоминают друзья.

Забыли, кто я такая? Но речь, оказывается, идет о поляках, приезжающих в Лондон на всевозможных видах транспорта. Польские строители, сантехники, водители быстро сбили цены на рынке труда, и симпатичная прежде нация сразу показалась англичанам угрожающе мобильной толпой. Некоторые приезжие даже умудряются получать здесь пособия на своих оставшихся дома ребятишек.

Не всем удастся найти работу. Неудачники спят на улицах и в арендованных на ночь общественных туалетах, а днем ловят карпов в местных прудах. Они рады бы уехать, да денег нет. Приходится муниципалитетам скидываться на билеты до какого-нибудь Вроцлава.

Но самую большую нагрузку на систему принесли нежадные до работы восточноевропейцы, а беженцы. Пока рассматриваются их просьбы об убежище, им положены отдых, социальный пакет, жилье. Даже в случае отказа они не спешат обратно: одна пакистанка уверяет, что недобрые сограждане будут смеяться над ее баскетбольным ростом, другой беженец жалуется на нелегкую судьбу африканского гея (его арестовали за изнасилование англичанки).

Первыми забили тревогу полицейские, врачи и учителя. Как учить детей, если класс говорит на двадцати языках? Сколько лет томить пациентов в очереди на операцию, если койки в больницах заняты «туристами»?

А я вспоминаю свой визит в стоматологическую клинику. В заполненный пациентами разных национальностей холл вошла косоварская мама с четырьмя детьми (пятый должен был скоро родиться) и при помощи переводчика-соотечественника записала на прием свою быстро растущую семью. Работница регистратуры, она же кассир, денег с них не взяла: беженцы имеют право на бесплатное лечение. По местным правилам пациенты стоматолога обязаны доплачивать за услуги национального здравоохранения. Заплатили единственные в той разноцветной толпе англичане – мой муж и бледный джентльмен, нервно дергавший ногой в углу.

– А как же лояльное европейское отношение ко всем? – спрашиваю я.

– Оно возможно, если ты живешь в поместье и дом ближайших соседей не виден из окна. Политикам нужны голоса – у приезжих семьи быстро растут.

Мои собеседники непохожи на радикалов, они представители работающего, честно отдающего налоги класса, на котором держится Великобритания.

В газетах пишут, что благодаря иммигрантам население острова к середине столетия увеличится на рекордные 11 миллионов. И имя Мохаммед стало самым распространенным среди даваемых новорожденным мальчикам. Что в известном реалити-шоу опять случился расовый скандал. И что в аграрных районах, где раздражены наплывом иностранных рабочих, назревают беспорядки...

Правительство из всех сил старается смягчать конфликты, а белый рабочий человек все чаще посматривает на ультраправую Британскую национальную партию (БНП). Поддерживать ее считается неприличным, но многие голосуют за националистов просто в знак протеста.

«Хочу свою страну обратно!» – написано на листовке БНП. Кто-то просунул ее в мою дверь накануне довыборов в муниципалитет.

Перегруженный корабль Иммиграция вышла из-под контроля

Мою предыдущую статью обсуждали в русском Интернете, и некоторые отечественные либералы увидели в ней клевету на расцветающее культурное многообразие Европы. Похоже, их сны о далекой разноцветной Европе гармоничны, как реклама «Бенеттона».

Но тут обнаружилось, что их британские единомышленники тоже обитали в выдуманном мире. Проверка реальностью наступила, когда националисты из БНП благодаря поддержке избирателей Ливерпуля, Манчестера и Йоркшира впервые добились двух депутатских кресел на выборах в Европарламент.

Очередной шок случился, когда BBC в своей популярной программе на злобу дня Question Time предоставила телеэфир лидеру БНП Нику Гриффину. Прежде ультраправые перед национальной аудиторией не выступали.

Скандал начался еще до передачи. Политики спорили, стоит ли вступать в диалог с фашистами. Телевизионщикам грозили судебными исками, а возле телецентра собралась демонстрация протеста. Но BBC заявила, что демократия будет попрана, если партия, добившаяся успеха на выборах, не получит эфир. В результате Question Time смотрело рекордное число телезрителей – восемь миллионов.

Перед внутренней аудиторией, состоявшей из представителей столичной молодежи и этнических меньшинств, уселись четверо белых мужчин – ведущий, три известных политика, Гриффин в том числе, а также две строгие темнокожие дамы – спикерша от консерваторов и афроамериканская писательница. Дружное избиение фашистского младенца началось.

«Вы отрицаете факт Холокоста». – «Отрицал раньше, а недавно поменял мнение», – вывернулся Гриффин, но на другие вопросы ответил откровенно: геев не любит, ислам считает религией, опасной для Британии. Сам Черчилль, по его мнению, был бы сегодня назван исламофобом и наверняка присоединился бы к БНП. Попутно Гриффин защитил Ку-клукс-клан как организацию, которой чуждо насилие. Сидевшая рядом с ним афроамериканка задыхнулась от возмущения и отодвинулась от Гриффина, когда чуть позже он попытался приобнять ее.

Никто из приглашенных не хотел иметь ничего общего с лидером БНП. Они даже не сошлись бы с ним во мнении о том, что Земля круглая. Гриффин заявил, что говорит от имени белого рабочего, британского христианина, которому грозит геноцид. Но превратиться из обвиняемого в обвинителя так и не смог.

И тут я поймала себя на мысли, что сочувствую Гриффину, как сочувствуют одиночке, которого линчует толпа. В течение передачи руки несчастного лидера тряслись, лицо подергивалось от слабого тика, вдобавок он посмеивался без видимой причины, за что получил выговор от ведущего. Говорят, даже теща зовет его бездельником и расистом, а жена считает, что он всю жизнь занимается ерундой.

Обозреватели теперь переводят дух: хорошо, что Гриффин – не Ле Пен и у него не хватило пороку превратить Question Time в трибуну, с которой он мог бы покорить сердца соотечественников. Но, похоже, после Черчилля, Вильсона и Тэтчер на Альбионе перевелись политики крупного калибра. Потому что оппоненты Гриффина тоже не блистали ни умом, ни смелостью.

Например, Джек Строу, министр юстиции и видный лейборист, был четок, пока проговаривал домашние заготовки. Но стоило чернокожему человеку из аудитории спросить его: «Не считаете ли вы, что сегодняшний успех БНП – на совести либеральной партии, провалившей иммиграционную политику?», как речь министра перестала быть внятной. Он увиливал от ответа трижды – именно столько раз прозвучал вопрос.

Уже после передачи стало известно, что ему было что скрывать. По только что опубликованному признанию Эндрю Нивера, бывшего спичрайтера Тони Блэра и Джека Строу, ослабление контроля на британских границах было спланировано ими, «чтобы утереть нос правым партиям». Лейбористы мечтали создать в стране небывалое этническое многообразие, рынок дешевой рабочей силы, а заодно гарантировать себе места в парламенте (90 % черных британцев и три четверти британцев азиатского происхождения голосуют за партию труда).

Начиная с 1997 года в страну приехало три миллиона иммигрантов, и сегодня Великобритания похожа на перегруженный корабль, пассажиры которого – черные, белые, желтые – давно жалуются на тесноту. Но капитан продолжает пускать на борт новых прибывающих. Прогноз населенности, или, правильнее сказать, перенаселенности, на 2029 год – 70 миллионов. Эта цифра пугает многих.

Странно, что никто в этом демократическом государстве не спросил у коренного большинства – согласно ли оно, чтобы его жизнь была изменена таким кардинальным образом. Его представителей даже не пригласили на запись передачи. После эфира начался поток жалоб, что организаторы передачи нарочно подобрали аудиторию среди нацменьшинств и перестарались с показательной поркой Гриффина, в то время как порки заслуживают лейбористы.

Плоды лейбористской политики особенно заметны в Лондоне – впервые белые британцы стали меньшинством в собственной столице. Вместо Рождества проходят «зимние фестивали», служащих наказывают за ношение скромных нательных крестиков, а каждый, кто выражает недовольство новым порядком вещей, рискует получить ярлык «расиста». В ответ народ пакует чемоданы и уезжает в Канаду или Новую Зеландию – или же голосует за БНП.

В создавшейся ситуации у фашиста, даже такого пародийного, как британский, есть все шансы увеличить свой электорат. На месте Ника Гриффина я бы в конце Question Time предложила министру-лейбористу пари, что БНП на следующих выборах получит еще больше голосов.

Великая феминистская революция и ее последствия

Королевы Улья В стране победившего феминизма

Еще в XVII веке некоторые английские доктора пугали женщин, что если те будут долго и усердно думать, их мозг может повредиться. Феминисткам было против чего побойться. В результате сегодня в Великобритании, стране победившего феминизма, женское население пользуется огромными правами.

Английская женщина не боится мужа или партнера – даже при одной угрозе с его стороны на вызов примчится полиция, и голубчику запретят приближаться к подруге ближе, чем на несколько сотен метров.

В случае развода она выходит из здания суда с гордо поднятой головой. Как правило, муж теряет намного больше (порой почти все, дом и детей, – если судья попадется понимающая). Даже когда семья развалилась по вине женщины, вполне может получиться, что отец будет лишен контакта с детьми.

Мужчины пытаются привлечь к своим проблемам общественное внимание: объединяются в организацию «Отцы за справедливость», наряжаются в дурацкие костюмы Человека-Паука – чтобы зависнуть над лондонским Тауэр-Бридж, тем самым надолго парализовав автомобильное движение, или Супермена – чтобы с полными отчаяния плакатами вскарабкаться на стену Букингемского дворца. Но вряд ли им удастся добиться такой сплоченности, как закаленным за два века битвы полов женщинам.

Коллег мужского рода тоже можно наказать – упоминание о принадлежности к женскому племени и даже невинный комплимент вполне можно пришить к делу о сексизме, и с помощью опытного адвоката заставить работодателей выплатить штраф с четырьмя-пятью нулями.

Старшеклассницы из бедных кварталов мечтают после школы забеременеть, чтобы стать матерями-одиночками – государство сразу даст бесплатное жилье и пособие. Деньги не огромные, но прожить на них можно, не учась и не работая. Конечно, злоупотреблениями занимается меньшинство, большинству женщин система просто дает чувство уверенности в завтрашнем дне.

Казалось бы, великая женская революция свершилась, и можно просто пожинать ее плоды. Но для современного поколения она все еще продолжается. Радикалистки сражаются уже не за юридическое, а за полное фактическое равенство. Такие качества как мужественность и женственность они считают не данными от природы, а навязанными патриархальным обществом.

Я читала про несостоявшуюся пожарницу. Единственная женщина в части, она не проявила себя в тушении ни одного пожара, но успела обвинить мужчин в шовинизме – они матерились и обменивались сальными анекдотами. Зачем выбрала неженскую профессию? Говорят, что женщины, пробовавшие начать карьеру в западном спецназе, ломались уже на этапе отборочных тренировок, расплачивались физическим и нервным истощением.

Но храбрые эмансипэ продолжают вторгаться в традиционно мужские заповедники. Есть, к примеру, еще профессия слесаря-сантехника. Я пока не встречала женщин-сантехников, хотя уверена – они уже работают где-то, меняют ванны, переставляют батареи отопления, устанавливают новые унитазы...

Побить мужчин, переняв мужской подход к жизни – идея старая и живучая. Она позволяет сохранить внешнюю женственность в виде косметики, всяких там оборок и рюшей на блузках, и отбросить внутренние истинно женские «слабости».

Вот она уверенно идет на своих шпильках, Кэрри из «Секса в большом городе» – наряженная, чтобы «убивать наповал», вечно что-то хищно пожевывающая – стильная одиночка без комплексов, для которой секс с разными партнерами просто вид гимнастического упражнения. Могут ли женская душа и тело перенять мужские повадки отпетого бабника? – Незамужние двадцати-тридцатилетние решили попробовать. Уж лучше быть крутой Кэрри Брэдшоу, чем потешной неудачницей Бриджит Джонс. Запросто, как кулинарными, обмениваться с подругами рецептами оргазмов и постельных экспериментов, получать вибраторы в подарок на день рождения и заниматься любовью в подсобке офиса.

«Все, что нужно – это любовь», – пели «Битлз». Современные певицы предпочитают петь без сантиментов – о занятиях сексом, «лежании» вдвоем и о себе, несравненных. (Американские и английские исследователи изучили тексты популярных песен начиная с 1958 года, слово «любовь» из них уходило постепенно, шанс услышать его сегодня сократился в три раза.)

Британское правительство обеспокоилось тем, что 32 % женщин в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех выпивают больше 21 единицы алкоголя за неделю (условная единица – это полкружки пива или маленький бокал вина) при более-менее допустимой врачами норме в 14 единиц. Эксперты из национального центра социологических исследований говорят, что разница между женским и мужским застольем становится все менее заметной.

Британские девушки стали пить больше, чем их сверстницы из Европы, почти наравне с мужчинами. Многие из них не догадываются, что на женский организм алкоголь действует иначе. Гулянья, которые они устраивают перед выдачей замуж своей подруги, не имеют ничего общего с прежними скромными девичьими посиделками и по лихости не уступают мальчишкам. Компания возбужденных пьяных женщин на предутренней улице – это остатки henparty, прощального девичника.

Но природа рано или поздно заставляет женщину уважать собственное тело и заботиться о нем не меньше, чем о дорогих туфлях на шпильках. Энтузиастки «Секса в большом городе» перешагивали тридцатипятилетний рубеж и убеждались, что глубинное знание о G-точках не сделало их счастливыми, секс без сердечной привязанности не помог создать семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.